

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. Г. Кибальник
И. Г. Соломонович

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

**Алексей Григорьевич Кибальник
Иван Геннадьевич Соломоненко**
**Преступления против мира и
безопасности человечества**
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282348

*А. Г. Кибальник. И. Г. Соломоненко. Преступления против мира и безопасности человечества:
«Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербург; 2004
ISBN 5-94201-292-X*

Аннотация

Исследование посвящено концептуальному пониманию системы преступлений против мира и безопасности человечества в уголовном праве России.

В работе раскрыто содержание понятия «международный мир и безопасность человечества» как объекта уголовно-правовой охраны, изучена роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ 1996 года, сформулированы общие принципы уголовной ответственности за эти преступления.

В аналитических главах исследованы общие положения об ответственности, а также объективные и субъективные признаки конкретных составов преступлений против безопасности человечества (геноцида, экоцида), международного мира (преступления агрессии; публичных призывов к развязыванию агрессивной войны; незаконного оборота оружия массового поражения; нападения на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой) и военных преступлений (применения запрещенных средств и методов ведения войны; наемничества). Особое внимание уделено вопросам соответствия норм УК РФ предписаниям международного права в плане регламентации уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества.

В книге использованы решения международных судов – послевоенных Международных трибуналов (в первую очередь, Нюрнбергского) и современных Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии.

Издание рекомендовано преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также всем интересующимся проблемами преступлений против мира и безопасности человечества.

Содержание

Уважаемый читатель!	5
Принятые сокращения	7
Предисловие	9
Глава I. Система преступлений против мира и безопасности человечества	11
§ 1. Международный мир и безопасность человечества как объекты уголовно-правовой охраны	11
§ 2. Роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в национальном уголовном праве	18
§ 3. Пределы уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества	31
§ 4. О перспективах развития системы преступлений против мира и безопасности человечества в уголовном праве России	42
Глава II. Преступления против безопасности человечества	48
§ 1. Об истории преступлений против безопасности человечества (человечности)	48
§ 2. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Кибальник, Иван Соломоненко

Преступления против мира и безопасности человечества

© А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина, А. И. Бойцова, В. И. Михайлова, А. В. Федорова, Е. В. Топильской, М. Н. Становского, В. Б. Малинина, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова, В. М. Волженкиной, Р. Д. Шарапова, М. Г. Миненка, С. Д. Шестаковой, И. Ю. Михалева, Г. В. Овчинниковой, О. Н. Коршуновой, С. Ф. Милюкова, А. Л. Протопопова, В. Г. Павлова, Ю. Е. Пудовочкина, В. П. Емельянова, В. П. Коняхина, Г. В. Назаренко, И. М. Тяжковой, А. А. Струковой, С. С. Тихоновой, А. В. Мадьяровой, М. Л. Прохоровой, Л. А. Андреевой, И. В. Александрова, Л. С. Аистовой, А. И. Бойко, Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. И. Рарога, А. А. Сапожкова, Д. А. Корецкого, Л. М. Землянухина, Л. В. Головки, Л. Л. Кругликова, А. Д. Назарова, А. Е. Якубова, А. Н. Попова, С. В. Бородин, А. Г. Кибальника, Л. И. Романовой, А. И. Коробеева, Д. А. Шестакова, В. Д. Филимонова, И. А. Возгрина, А. А. Эксархопуло, В. В. Орехова и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
Ноябрь 2003 г.

Принятые сокращения

Римский Статут — Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // A/CONF.183/9. Russian.

Устав Нюрнбергского трибунала — Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. 11.

Определение агрессии — Определение агрессии как международного преступления от 14 декабря 1974 г. // Официальные документы ООН. Т. 1. Нью-Йорк, 1975.

Конвенция о геноциде — Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

Конвенция об апартеиде — Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. // www.un.org/russian

Конвенция о воздействии на природную среду — Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 34. М., 1980.

I Женевская конвенция — Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

II Женевская конвенция — Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

III Женевская конвенция — Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

IV Женевская конвенция — Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

I Дополнительный Протокол — Дополнительный Протокол I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Документ ООН/A/32/114. Приложение I.

II Дополнительный Протокол — Дополнительный Протокол II от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Документ ООН/A/32/114. Приложение II.

Конвенция о биологическом оружии — Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия от 10 апреля 1972 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 31. М., 1977.

Конвенция о химическом оружии — Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 3 января 1993 г. // www.un.org/russian

Конвенция об обычных видах оружия — Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 апреля 1981 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.

Конвенция о защите культурных ценностей — Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.

Конвенция о наемничестве — Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. // A/RES/44/34.

Конвенция о лицах, пользующихся международной защитой — Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979.

Проект Международного кодекса — Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Российская юстиция. 1995. № 12.

Предисловие

Уголовный кодекс России 1996 г. впервые определил в качестве своей задачи обеспечение мира и безопасности человечества (ст. 2). Соответственно закрепление в гл. 34 УК РФ системы преступлений против мира и безопасности человечества стало одной из основных новелл отечественного уголовного законодательства.

Формулирование составов этих преступлений произошло не на «пустом месте» – ему предшествовала более чем столетняя эволюция понимания необходимости юридической оценки самых страшных моментов человеческой истории. Этот процесс, начавшись с принятия Гаагских конвенций конца XIX – начала XX в., завершился тем, что к концу XX в. в международном уголовном праве были сформулированы составы преступлений против мира, человечности и военных преступлений. Признание приоритета международного права над правом внутригосударственным стало основой появления системы преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ.

Необходимость этого диктуется, к сожалению, не только конституционным предписанием. Реальная жизнь свидетельствует о том, что до благополучия в деле охраны международного мира и безопасности человечества в целом еще очень и очень далеко. Последнее десятилетие ушедшего века и первые годы века начавшегося наглядно показали, на какие ужасающие действия способны люди во всем мире, а не только в бывшей Югославии, Руанде, Афганистане, США или у нас в Чечне. Развитие цивилизации и сопряженный с ним научно-технический прогресс имеют своим следствием появление новых угроз, ставящих в опасность само существование цивилизации. И одним из средств борьбы с этими угрозами должно стать эффективное уголовное преследование лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества.

Понятно, что национальный опыт правоприменения в этом плане невелик (например, к середине 2003 г. российскими судами было рассмотрено только одно дело о геноциде русского населения на территории Чечни во время ее «независимости» – хотя общеизвестные факты такого геноцида исчисляются десятками). По этой причине авторы не только оперировали «буквой» международных конвенций и соглашений, но также попытались выделить и систематизировать особенности квалификации преступлений против мира и безопасности человечества, отраженные в решениях послевоенных Международных трибуналов (в первую очередь, Нюрнбергского) и современных Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии.

При написании данного монографического исследования авторы обобщили материалы, содержащиеся в ранее опубликованных ими работах.¹ Конечно, никто не ставил перед собой цели создать исчерпывающий труд, который ответил бы на все вопросы, связанные с квалификацией содеянного как того или иного преступления против мира и безопасности человечества, – этого в принципе сделать невозможно, так как эволюция права неразрывно связана с эволюцией всей человеческой цивилизации. Тем не менее надеемся, что представляемая книга вызовет благожелательный отзыв юридической общественности.

¹ В настоящей работе использованы материалы из следующих ранее опубликованных монографий авторов: Берко А. В., Кибальник А. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны (2002); Вартанян В. М., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за геноцид (2001); Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право (2003); Кибальник А. Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве (2002); Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право (2001); Кибальник А. Г. Иммунитеты в уголовном праве (1999); Кибальник А. Г., Малахова О. В. Уголовная ответственность за агрессию (2003); Кибальник А. Г., Молибога О. Ю., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за наемничество (2001); Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России (2001); Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г., Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права (2000); Соломоненко И. Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (2000).

Хотелось бы сказать слова особой признательности нашему научному руководителю – профессору Анатолию Валентиновичу Наумову – за помощь и поддержку авторов в их начинаниях.

С уважением, авторы.

Глава I. Система преступлений против мира и безопасности человечества

§ 1. Международный мир и безопасность человечества как объекты уголовно-правовой охраны

Появление в УК России самостоятельной главы о преступлениях против мира и безопасности человечества требует выработки обоснованного подхода к пониманию мира и безопасности человечества как объектов уголовно-правовой охраны на национальном уровне.

Однако вначале обратимся к источникам. Так, в VI Принципе международного права, признанном Уставом Нюрнбергского трибунала, в качестве международно-правовых преступлений указаны следующие:

а) Преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений; участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеупомянутых действий);

б) Военные преступления (нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью);

в) Преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо военного преступления, или преступления против мира, или в связи с таковыми).

Приведенный принцип международного права непосредственно зафиксирован в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала. Таким образом, сразу после Второй мировой войны в международном праве преступления против мира и безопасности человечества стали рассматриваться в качестве «международных преступлений». В дальнейшем понимание термина «международные преступления» претерпело существенную эволюцию. Это обстоятельство обусловлено принятием большого количества конвенций, объявивших преступными деяния, традиционно считавшиеся «общеуголовными» преступлениями, наказуемыми только в соответствии с национальным правом (незаконный оборот наркотиков, фальшивомонетничество, «коррупция» и пр.).

Кроме того, начиная со второй половины XX в. принимаются международные акты, в силу которых стали расцениваться в качестве «международных» преступлений деяния, опасность которых проявилась с началом эпохи глобализации. Причем эти международные нормы предписывали установить преступность таких деяний в национальном уголовном праве (в первую очередь, это касается преступлений террористической направленности: угона самолетов, захвата заложников, актов «бомбового» терроризма и др.).

Тем не менее в новейших документах международного права продолжена традиция определения преступлений против мира и безопасности человечества, заложенная в решениях Нюрнбергского трибунала. Об этом свидетельствуют положения Римского Статута и Проекта Международного кодекса (в ст. 1 последнего читаем: «Преступления по междуна-

родному праву, определяемые в настоящем Кодексе, являются преступлениями против мира и безопасности человечества»).

В настоящее время в науке предложено немало классификаций международных преступлений.²

Остановимся на наиболее распространенных.

Так, И. И. Карпец считает, что существуют следующие группы преступлений международного характера: международные преступления (к которым относятся преступления против мира и безопасности человечества) и преступления международного характера.³ Аналогичная классификация выдвинута и В. П. Пановым.⁴

И. И. Лукашук и А. В. Наумов преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности объединили единым определением – «преступления по общему международному праву» (как они сформулированы в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала), а остальные «международные» преступления обозначили как «конвенционные».⁵

В зарубежной доктрине также традиционным стало разделение международных преступлений на преступления против мира и безопасности человечества и «иные международные преступления» (other international crimes), при этом в первую группу включаются преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.⁶

Объединение в одну группу преступлений против мира, преступлений против безопасности человечества (человечности) и военных преступлений вполне обоснованно – ведь именно они являются «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества» (ст. 5 Римского Статута).

Международно-правовые акты обычно не раскрывают понимания «мира и безопасности человечества», констатируя, что преступления против этих интересов «относятся к самым тяжелым» (преамбула к Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.⁷).

Большинство отечественных авторов, характеризуя преступления против мира и безопасности человечества, ограничиваются простой констатацией того факта, что объектами этих деяний являются «общественные отношения» по обеспечению «всеобщего мира и всеобщей безопасности».⁸

Обратных примеров не так много. Так, Н. Ф. Кузнецова называет непосредственными объектами ряда преступлений против мира и безопасности человечества «основы мира, т. е. мирного взаимодействия государств при решении любых проблем, исключающего какое-либо насилие», «международные правоотношения в сфере соблюдения правил ведения войны или разрешения вооруженных конфликтов», «основы человечества и человечности, т. е. международного обеспечения безопасности национальных, этнических, расовых, религиозных групп».⁹

Г. В. Матусевич, справедливо говоря о том, что преступления против мира и безопасности человечества характеризуются исключительно высокой степенью общественной опас-

² Подробный анализ этих классификаций см.: *Цепелев В. Ф.* Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. М., 2001. С. 73–87.

³ Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 121–125.

⁴ *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 53, 67.

⁵ *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Международное уголовное право. М., 1999. С. 112.

⁶ См., напр.: *Kittichaisaree K.* International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 67, 85, 129, 206, 226.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.

⁸ См., напр.: *Николаева Ю. В.* Преступления против мира и безопасности человечества. М., 1999. С. 5.

⁹ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 353, 366, 383.

ности, замечает: «Они способны причинить невосполнимый ущерб самим основам существования жизни на земле, так как объектом их посягательства являются не отдельные общественные отношения в той или иной сфере жизни и деятельности человека, общества, государства, а сама жизнь на земле, существование человечества или значительной его части».¹⁰

Как видно, определение объектов преступлений против мира и безопасности человечества в отечественной науке продолжает оставаться в русле «классического» определения объекта уголовно-правовой охраны как общественного отношения (отношений), защищаемых уголовным правом. Однако в настоящее время в российской доктрине уголовного права наметился своеобразный поворот в понимании объекта уголовно-правовой охраны, связанный с изменением концептуальных основ уголовного законодательства и его задач.

Так, А. В. Наумов доказывает позицию, согласно которой теория объекта преступления исключительно как общественного отношения «не срабатывает» в целом ряде случаев.¹¹ Таким образом, в уголовно-правовой теории наметился своеобразный поворот к пониманию объекта правовой охраны не только как общественного отношения в узком смысле этого слова, но и как реального блага, интереса.

Такое понимание объекта преступления, на наш взгляд, в большей мере соответствует новой иерархии объектов уголовно-правовой охраны, переоценка которых произошла в УК РФ 1996 г. Как известно, буква Уголовного закона гласит, что под охрану взяты «права и свободы человека и гражданина... мир и безопасность человечества» (ч. 1 ст. 2 УК РФ) как *самостоятельные ценности*, без обязательной их реализации в общественных отношениях как таковых – т. е. в отношениях нескольких (минимум – двух) субъектов уголовного правоотношения.

Разделяя данную позицию, отметим, что *непосредственным* объектом преступления должен считаться тот юридический интерес, которому изначально причиняется вред конкретным преступлением против мира и безопасности человечества либо создается угроза причинения такого вреда.

Полагаем, что юридическое понимание «мира и безопасности человечества» можно определить, исходя из анализа противоположных состояний человеческого общества и предписаний национального законодательства России. Последнее тем более позволительно, что действующее международное право допускает возможность признания положений национального законодательства в качестве «применимого права» (п. «с» ч. 1 ст. 21 Римского Статута).

Общеизвестно, что мир – это состояние, характеризующееся отсутствием войны. При этом неважно, объявлены военные действия *de jure* или нет: в соответствии с Определением агрессии, состояние международного мира имеет место при отсутствии военных действий *de facto*. Таким образом, *состояние мира* как охраняемое международным правом благо (интерес) представляет собой такое состояние, которое характеризуется отсутствием фактических военных действий между государствами (группами государств).

Соответственно теоретико-юридическим основанием для выделения категории преступлений против мира среди преступлений против мира и безопасности человечества является то обстоятельство, что *непосредственным объектом преступлений против мира признаются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров*.

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 1999. С. 485.

¹¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 147–149.

Считаем, что в группу преступлений против международного мира необходимо включить деяния, посягающие на фактическое состояние мира, вне зависимости от того, нарушено оно или нет. Обычно в литературе говорится о том, что преступлениями против международного мира по УК РФ надо считать планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360).

К данной группе преступлений необходимо также отнести разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), так как это деяние представляет собой потенциальную угрозу международному миру. Однозначно считать это преступление военным¹² вряд ли обоснованно – ведь военное преступление (как преступление против мира и безопасности человечества) может совершаться только в ходе реально идущего (а не потенциального) вооруженного конфликта, тогда как незаконный оборот оружия массового поражения возможен и в мирное время.

Юридическое содержание термина «безопасность» непосредственно определено в действующем федеральном законодательстве России. Так, ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. (в действующей редакции)¹³ указывает, что «безопасность» – это «состояние защищенности жизненно важных интересов... от внутренних и внешних угроз».

Прямое указание как международного законодательства, так и многих национальных уголовных законов (в том числе и УК РФ) на «безопасность человечества» заставляет под этим термином понимать состояние защищенности неопределенного круга лиц от любых угроз, посягающих на их жизненно важные интересы. Понятно, что перечень «жизненно важных интересов» человечества очень широк и вряд ли может быть сформулирован в законодательстве.

Но, исходя из целостного понимания преступлений против мира и безопасности человечества, определенных в международном и национальном праве, видно, что эти «жизненно важные угрозы» ставят в опасность физическое существование человечества в целом. Так, например, применение оружия массового поражения угрожает существованию неопределенного круга лиц вне зависимости от каких-либо их характеристик.

С другой стороны, безопасность человечества – это обеспечение жизнедеятельности той или иной демографической группы. Действительно, например, геноцид угрожает существованию расовой, национальной или религиозной группы людей.

Следовательно, представляется возможным ограничить понимание «жизненно важных угроз» теми, которые угрожают существованию человечества вообще или какой-либо его демографической группы (расе, национальности и пр.).

Таким образом, *безопасность человечества как охраняемый уголовным правом интерес (объект) представляет собой состояние защищенности человечества в целом либо демографических групп от угроз их физическому существованию, исходящих от субъектов уголовного права.*

При этом надо подчеркнуть, что безопасность человечества вовсе не связана с наличием либо отсутствием юридического состояния войны или вооруженного конфликта. Действительно, например, акты геноцида в основном имели место в период войн – как мировых, так и локальных. Но история знает примеры осуществления геноцида той или иной демографической группы и в период мира, и даже – эти деяния осуществлялись правящими кругами по отношению к населению собственной страны (Кампучия, Руанда и пр.).

¹² Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 361; Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 772.

¹³ Российская газета. 1992. 6 мая.

Более того, в международном праве подчеркивается, что юридическая квалификация акта геноцида как преступления против безопасности человечества (человечности) никак не зависит от того, осуществлен ли он в мирное либо военное время, явился проявлением внешней или внутренней политики государства (ст. I Конвенции о геноциде).

Аналогично обстоит дело с экоцидом, расцениваемым, с одной стороны, как военное преступление в случае применения практики экоцида в качестве метода ведения войны (ст. 8 Римского Статута). С другой стороны, уже в преамбуле Конвенции о воздействии на природную среду указано, что преступно не только военное, но и «любое иное враждебное использование таких средств могло бы иметь чрезвычайно пагубные последствия для благосостояния людей». Таким образом, преступление экоцида может быть совершено в мирное время (вне рамок какого-либо вооруженного конфликта) и поставить под угрозу физическое существование неопределенного круга лиц.

Поэтому вполне допустим вывод о том, что преступления против безопасности человечества образуют самостоятельную группу преступлений против мира и безопасности человечества, к которой в уголовном законодательстве России следует отнести геноцид (ст. 357) и экоцид (ст. 358).

«Военные преступления» являются еще одной родовой группой преступлений против мира и безопасности всего человечества («преступлений по общему международному праву»). Исходя из положений международного права (в частности, Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных Протоколов к ним, ст. 5, 8, 17, 20 и 21 Римского Статута), все преступления, определенные в международном праве как «военные», объединены следующими юридическими критериями:

1. Они посягают на установленный в международном гуманитарном праве порядок ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Данный регламентированный порядок ведения военных действий в вооруженных конфликтах является составной частью интересов мира и безопасности человечества.

2. Соответственно перечень военных преступлений как преступлений против мира и безопасности всего человечества установлен в актах международного уголовного права, — и именно в этом видится разграничение предметов международного гуманитарного и международного уголовного права.

3. Общеуголовные деяния, совершаемые в рамках вооруженного конфликта и прямо указанные в актах международного права, приоритетно расцениваются как «военные преступления» в тех случаях, когда ответственность за их совершение вне вооруженного конфликта также установлена в международном праве. Говоря иными словами, причинение или угроза причинения вреда интересам безопасности человечества является основным признаком любого военного преступления по международному уголовному праву. При этом такое деяние должно иметь место *во время вооруженного конфликта* — т. е. либо при наличии фактического состояния войны между государствами, либо при внутригосударственном вооруженном конфликте. В противном случае деяния, содержащие признаки военных преступлений, должны быть квалифицированы как соответствующие преступления общеуголовного характера. Так, например, обстоит дело с пытками, «бесчеловечным обращением», захватом заложников, сексуальным насилием и пр.

Например, в одном из решений Международного трибунала по Руанде отмечалось, что «индивиды всех рангов, вовлеченные в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве... могут подлежать ответственности за совершение

военных преступлений только в том случае... когда установлена связь между ними и вооруженным конфликтом...».¹⁴

Следовательно, теоретико-юридическим основанием для выделения категории военных преступлений среди преступлений против мира и безопасности человечества является то обстоятельство, что *основным непосредственным объектом военных преступлений признаются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным гуманитарным правом интересы соблюдения правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера*.¹⁵

В соответствии с предложенным определением основного объекта военных преступлений полагаем, что в УК РФ к ним следует отнести применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356) и наемничество (ст. 359).

Выделение системы преступлений против мира и безопасности человечества основано на признании в качестве *родового объекта* этих преступлений интересов, а именно – обеспечения мира и безопасности всего человечества как такового. Мир и безопасность человечества являются одновременно и видовым объектом для отечественного уголовного права, так как гл. 34 и разд. XII УК РФ совпадают.¹⁶

На основе приведенных рассуждений полагаем, что под *интересами мира и безопасности человечества как родовым объектом национальной уголовно-правовой охраны надо понимать:*

– *интересы обеспечения мирного сосуществования государств и мирного разрешения межгосударственных споров;*

– *интересы обеспечения физического существования неопределенного круга лиц (человечества в целом либо демографических групп) от любых угроз, источником которых является человеческий фактор;*

– *интересы соблюдения правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.*

Если в основу классификаций преступлений против мира и безопасности человечества можно положить основной непосредственный объект посягательства, то, в свою очередь, позволительно говорить о существовании следующих видовых групп данных преступлений в уголовном праве России:

1) *преступления против международного мира*: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ); нападение на учреждения или лиц, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ);

2) *преступления против безопасности человечества* (преступления против человечности): геноцид (ст. 357 УК РФ); экоцид (ст. 358 УК РФ);

3) *военные преступления*: применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ).

О пределах квалификации. Полагаем, что совершение одним лицом (лицами) преступлений против международного мира, против человечности либо военного преступления вся-

¹⁴ Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. § 175.

¹⁵ См. также: Адельханян Р. А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 51–52.

¹⁶ Господствующей в современной науке считается позиция, согласно которой родовой и видовой объекты преступления представляют собой те группы (комплекс) общественных отношений и интересов, в соответствии с которыми проведено деление Особенной части Уголовного кодекса соответственно на разделы и главы (см., напр.: Наумов А. В. Указ соч. С. 152–153).

кий раз должно получать самостоятельную правовую оценку – т. е. данные деяния должны квалифицироваться по совокупности. Говоря иными словами, ни одно из указанных преступлений не может «поглощать» другое.

Основанием для такого вывода является признание соответственно интересов обеспечения международного мира, безопасности человечества, а также соблюдения правил ведения войны и вооруженных конфликтов в качестве основных непосредственных объектов преступлений против мира и безопасности человечества.

Подобная позиция разделяется ведущими западными авторами, хотя основание разграничения преступлений против мира и человечности между собой они видят в другом, а именно в «контексте совершения» данных преступлений.

Так, по мнению М. Ш. Бассиони, термин «преступления против человечества» объединяет все зверства, совершенные в крупном масштабе. До некоторой степени преступления против человечности «смешиваются» с преступлениями против мира и военными преступлениями. Но преступления против человечности юридически отличны от военных преступлений: «они применяются не только в контексте “война”», «время войны и мира для совершения этих преступлений безразлично».¹⁷

Данное положение находит свое прямое подтверждение в решениях и деятельности современных международных военных трибуналов *ad hoc*.

Приведем пример из событий новейшего времени: так, обвинительное заключение в отношении бывшего президента Югославии содержит обвинения в преступлениях против человечности, а также отдельным пунктом – обвинение в агрессии и нарушении законов и обычаев войны.¹⁸

Таким образом, в деятельности Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде формально разделяются понятия «преступление против международного мира», «преступление против безопасности человечества (человечности)» и «военное преступление», что нашло свое отражение в многочисленных судебных решениях.

¹⁷ Bassiouni M. *Ch. Crimes Against Humanity in International Criminal Law*. 2nd edition. New York, 1999. P. 23–25.

¹⁸ Сообщение ИТАР-ТАСС от 29 июня 2001 г.

§ 2. Роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в национальном уголовном праве

2.1. Международное уголовное право и преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву России

Появление в уголовном законодательстве России главы о преступлениях против мира и безопасности человечества заставляет обратиться к источникам, где впервые была сформулирована преступность данных деяний. Несомненно, что первоисточниками стали нормы международного права, которые в настоящее время формируют самостоятельную отрасль – международное уголовное право.

В большинстве работ авторы указывают на то, что нормы международного уголовного права регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью либо с преступлениями, предусмотренными международными договорами.¹⁹

Действительно, в основополагающих документах международного права прямо говорится о необходимости «поддерживать международный мир и безопасность», для чего необходимо принимать эффективные коллективные меры для предотвращения либо устранения угрозы миру. Устав ООН от 26 июня 1945 г. прямо говорит о том, что данные цели осуществляются путем развития «международного сотрудничества в разрешении проблем экономического, социального и гуманитарного характера».

При этом рост преступности является одной из главных социальных угроз современности – угрозой, с которой в современном мире вряд ли может справиться одно отдельно взятое государство, пусть даже и наиболее сильное. Глобализация угрозы международной преступности отмечается подавляющим числом авторов, также как и необходимость всемерного сотрудничества государств, как субъектов международного права, в борьбе с ней.²⁰

В международно-правовых актах указывается, что основной задачей международного уголовного права является недопущение совершений преступлений против мира и безопасности всего человечества. При этом предупреждение преступлений против мира и безопасности человечества должно расцениваться в контексте поддержания мирового правопорядка в целом.

«Мировой правопорядок» – понятие глобальное. В него включаются и обеспечение мира и безопасности человечества в целом, и всемерная охрана прав и свобод личности, и экологическая безопасность и т. д. В принципе, мировой правопорядок – это совокупность всех интересов, взятых под защиту всеми отраслями права.

С другой стороны, международное уголовное право преследует решение еще одной задачи – задачи всемерной *репрессии* лица, совершившего преступление. Действительно, без установления ответственности за совершение преступления само международное уголовное право потеряло бы всякий смысл. При этом большинство международных актов обя-

¹⁹ См., напр.: Панов В. П. Указ. соч. М., 1997. С. 15.

²⁰ См., напр.: Богатырев А. Г. Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью. М., 1989; Галенская Л. Н. 1) Международная борьба с преступностью. М., 1972; 2) Сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Правовые проблемы. Л., 1978; Карпец И. И. Международная преступность. М., 1988; Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. М., 1993; и др.

зывают применять к лицу, виновному в совершении международных преступлений, самые «суровые», «эффективные» или «соответствующие» меры наказания.

Цели международного уголовного права достигаются при его непосредственном или опосредованном применении.

Непосредственное применение международного уголовного права означает, что соответствующая норма применяется национальным или международным судом самостоятельно, без каких-либо оговорок и ограничений.

Особенностью международного уголовного права является сравнительно малая возможность применения его положений непосредственно. Это обусловлено тем, что подавляющее большинство международных документов уголовно-правового характера требуют установить преступность того или иного деяния в национальном законе.

Подобная традиция была заложена в ст. V Конвенции о геноциде, предписывающей государствам-участникам для введения в силу ее положений «провести необходимое законодательство... в соответствии со своей конституционной процедурой». Такая формулировка впоследствии стала общепринятой – по своему существу, хотя и варьируясь от обязанности государств-участников просто «принять меры», необходимые для реализации положений той или иной конвенции, до прямого требования установить преступность и наказуемость деяния во внутригосударственном праве.

Таким образом, сами международно-правовые акты говорят о том, что главным способом достижения задач поддержания мирового правопорядка является установление преступности деяний (в первую очередь, против мира и безопасности всего человечества) в национальном уголовном праве – т. е. приоритетным становится применение соответствующих норм национального уголовного закона с соблюдением требований международного уголовного права.

Опосредованное применение норм международного уголовного права о преступлениях против мира и безопасности человечества характерно для большинства государств, в том числе и для России.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УК РФ, «кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Исходя из буквального толкования данной нормы, в настоящее время большинство авторов считают международные договоры России источниками ее уголовного права,²¹ а это означает, что определение преступления в национальном уголовном праве должно расцениваться как соответствующее преступлению по международному праву.

Именно такое понимание соотношения двух правовых систем – международной и внутригосударственной – нашло законодательное оформление в конституциях большинства развитых государств,²² в том числе в ст. 15 Конституции России.

Представляется уместным рассмотреть процедуру, согласно которой международно-правовой акт воздействует на российский Уголовный кодекс. В Конституции РФ указано, что Основной Закон страны и федеральные законы имеют верховенство на всей терри-

²¹ См., напр.: *Коняхин В. П.* Международный договор как источник российского уголовного права // Уголовное право в XXI веке. М., 2002. С. 152–159; *Наумов А.* О соотношении норм международного и уголовного права // Советская юстиция. 1993. № 19. С. 3–4; *Трунцевский Ю. В.* Нормы международного права как источник российского уголовного права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 7–8; *Шибков О. Н.* Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 9–11; и др. – По мнению авторитетных исследователей, признание за нормами международного права статуса источников национального уголовного права требует переосмысления общепринятой доктрины национального уголовного права и его соотношения с международным правом (см.: *Наумов А. В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 57).

²² См.: *Лукашук И. И.* Конституции государств и международное право. М., 1998. С. 11–28.

тории Российской Федерации (ч. 1 ст. 3), и сама Конституция относит к исключительному ведению федерального центра принятие и изменение уголовного законодательства (п. «о» ст. 71).

В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы. Конституция России, говоря об «общепризнанных принципах и нормах международного права» как части своей правовой системы, прямо допускает возможность коллизии между ними и федеральным законом. Причем это противоречие разрешается только в соответствии с международным договором Российской Федерации, т. е. тем нормативным актом международно-правового характера, который имеет юридическую силу для России.

В соответствии с Федеральным законом РФ «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г.,²³ международный договор РФ тоже является частью правовой системы России (ст. 5).

Международный договор обретает обязательную для сторон силу вследствие присоединения к договору, ратификации договора, его утверждения либо самого факта заключения сторонами договора. Если международный договор не требует издания внутригосударственного акта для его применения, он действует на территории России непосредственно (п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Уголовный кодекс является федеральным законом, и только в нем могут быть определены основания и пределы уголовной ответственности за совершенное преступление, а новые законы, устанавливающие уголовную ответственность, «подлежат включению в настоящий Кодекс» (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Следовательно, изменение условий уголовной ответственности за то или иное деяние, предусмотренное международным договором РФ, требует их непосредственного включения в текст УК.

Такая ситуация должна разрешаться в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», определяющим, что любой международный договор, исполнение которого требует «изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающий иные правила, чем предусмотрены законом», подлежит обязательной ратификации. Подобного рода международный договор действителен и обязателен для России только с момента его ратификации. А акт ратификации сам по себе является новым федеральным законом (ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 6 Федерального закона РФ «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных Конституционных законов, Федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14 июня 1994 г.,²⁴ ратифицированные международные договоры России вступают в силу по истечении 10 дней со дня их официального опубликования либо в соответствии со специальным порядком, указанным в самом законе.

Таким образом, федеральное законодательство устанавливает правило изменения норм самого Уголовного кодекса при вступлении в силу международного договора, регламентирующего вопросы уголовной ответственности (в том числе за преступления против мира и безопасности человечества).

Можно полностью согласиться с позицией судьи Конституционного Суда РФ О. И. Тиунова о том, что «нормы международного права, а также международные договоры России применяются Конституционным Судом России как инкорпорированные в национальное право нормы».²⁵

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

²⁴ Там же. 1994. № 8. Ст. 801.

²⁵ Тиунов О. И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник меж-

Следовательно, нормы российского уголовного права о преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 353–360 УК РФ) являются *имплементированными из соответствующих положений международного уголовного права и имеют бланкетный характер*. Иными словами, при определении преступности того или иного деяния УК РФ отсылает непосредственно к положениям действующего международного права.

Российский уголовный закон, определяя систему преступлений против мира и безопасности человечества, последовательно воспроизводит предписания соответствующих норм международного уголовного права об обязательности их имплементации в национальное уголовное законодательство.

Представим это в виде таблицы:

Норма УК РФ	Основные нормы международного уголовного права
Ст. 353 — Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны	Ст. 1–3, 5 Определения агрессии; Ст. 5 Римского Статута
Ст. 354 — Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны	Ст. 4 Определения агрессии
Ст. 355 — Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения	Ст. 1–4 Конвенции о биологическом оружии; Ст. 1–2, 7 Конвенции о химическом оружии
Ст. 356 — Применение запрещенных средств и методов ведения войны	Ст. 8 Римского Статута; Ст. 3, общая для всех Женевских конвенций 1949 года; Ст. 11, 35–37, 51–54 I Дополнительного Протокола; Ст. 4 II Дополнительного Протокола; Ст. 7 Конвенции об обычных видах оружия
Ст. 357 — Геноцид	Ст. II–V Конвенции о геноциде; Ст. 6 Римского Статута
Ст. 358 — Экоцид	Ст. 35, 55 I Дополнительного Протокола; Ст. 1, 2 Конвенции о воздействии на природную среду
Ст. 359 — Наемничество	Ст. 47 I Дополнительного Протокола; Ст. 1–6 Конвенции о наемничестве
Ст. 360 — Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой	Ст. 1–4 Конвенции о лицах, пользующихся международной защитой

Как известно, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции России, нормы международного права обладают приоритетом над положениями внутригосударственного права. В случаях, когда норма национального права противоречит международно-правовой норме, применению подлежит последняя.

Так, ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1963 г.²⁶ указывает на то, что государство-участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора».

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

Приоритет норм международного права означает, что право каждого цивилизованного государства состоит из двух юридических систем: внутригосударственной юридической системы и международной юридической системы государства; а в случае конфликта преимущество отдается международному праву. Следовательно, нормы внутригосударственного права не только не могут противоречить нормам международного права, но скорее должны уточнять и обеспечивать реализацию требований международно-правовых норм.

Все вышесказанное можно резюмировать следующим образом: нормы международного уголовного права являются главным источником регламентации ответственности за преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву России. Через применение отечественного УК во многом должны достигаться цели самого международного уголовного права в плане предотвращения преступлений против мира и безопасности человечества и наказания за их совершение. Однако в случае противоречий при определении преступности деяния между нормой международного права и статьями гл. 34 УК РФ приоритетному (и непосредственному) применению подлежит норма международного уголовного права.

2.2. Международное уголовное право и преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву зарубежных государств

В конституционном праве зарубежных государств также общепризнанным является приоритет норм международного права над внутренним законодательством. Следовательно, уголовное законодательство этих государств в качестве источника имеет нормы международного уголовного права.

В странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств.

Например, ст. 25 Конституции Федеративной Республики Германии устанавливает, что «общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права», а также «они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации».²⁷

Подобное предписание содержится в ст. 96 Конституции Испании: «Законно заключенные и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего законодательства».²⁸

Наиболее четкая регламентация применения норм международного права как источников внутреннего законодательства характерна для Конституции Франции (ст. 55): «Договоры или соглашения, должным образом ратифицированные и одобренные, имеют силу, превышающую силу внутренних законов, с момента опубликования при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной».²⁹

В странах системы общего права также существуют конституционные установления о том, что международное право является составной частью внутренней правовой системы.

Так, английская правовая доктрина обычно исходит из признания «существования общего согласия о том, что... международное право является частью права Англии». Более того, «все права, полномочия, обязательства, ответственность и ограничения, которые уста-

²⁷ Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

²⁸ Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 63.

²⁹ Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 43.

навливаются Договорами или возникают из них... должны применяться в Соединенном Королевстве без последующих законодательных актов и быть включены в его право».³⁰

Такой международно-правовой документ в английской правовой доктрине получил название «самоисполнимого договора».

Однако применение во внутренней уголовной юрисдикции Англии и других стран общего права «самоисполнимого договора» на деле происходит несколько по-другому. Согласно наиболее распространенной доктринальной позиции, предоставление права определять, является ли международная норма частью права Англии, отдано английскому суду.³¹

Такая позиция вызывает нарекания со стороны самих английских юристов, считающих, что национальный правоприменитель не может произвольно решать, является ли международный договор обязательным для Англии или нет, — только в этом случае «Великобритания снова войдет в круг государств, следующих международным стандартам свобод и справедливости».³²

Практика применения международного права в национальной уголовной юрисдикции характерна в настоящее время не только для Великобритании, но и для других стран общего права, в том числе США.

Например, согласно разделу 2 ст. 6 Конституции США, «договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются верховным правом страны».³³ Казалось бы, провозглашение приоритета норм международного права Основным Законом Соединенных Штатов предполагает их непосредственное или имплементированное действие на территории США. Причем первый вариант относится как раз к действию «самоисполнимого договора», не нуждающегося в «утверждении» внутренним законодателем.

Но правоприменитель почти всех стран общего права не признает практики действия «самоисполнимого договора» и требует имплементации последнего в национальное право государства. Так, Л. Хенкин прямо утверждает, что «многие, может быть большинство международных обязательств США... рассматриваются как “несамоисполнимые” и должны включаться во внутреннее право через законодательство или акт исполнительных органов, а потому... это уже не договор, а имплементирующий акт, который является правом страны».³⁴

Тем не менее отметим, что в странах общего права наметилась тенденция нормативного (статутного) установления преступности деяний, направленных против мира и безопасности человечества, без издания адекватных судебных прецедентов. Так, в Великобритании в 1969 г. был принят Закон о геноциде (Genocide Act), полностью воспроизведший положения ст. II Конвенции о геноциде и установивший минимальный размер наказания в 14 лет тюремного заключения вне зависимости от наличия жертв геноцида.³⁵

Сенат США, который, одобряя в 1986 г. Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, заявил, что Конвенция не является в США «самоисполнимой», как и другие подписанные США международные соглашения.³⁶ Вследствие этого в разделе 18 «Преступления и уголовный процесс» Свода законов США появилась глава 50А «Геноцид», воспроизводящая текст соответствующих статей Конвенции о геноциде.

Основываясь на изложенных рассуждениях и примерах, мы можем утверждать, что нормы международного уголовного права в целом (и о преступлениях против мира и без-

³⁰ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 78.

³¹ Waldock H. General courts on public international law // Records of Courts. Vol. 1. 1962. P. 129.

³² Бингем Т. Х. Европейская конвенция о правах человека: время инкорпорации // Правозащитник. 1996. № 4. С. 27.

³³ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 8–9.

³⁴ Henkin L. Essays on the Development of International Legal Order. Leyden, 1980. P. 107.

³⁵ Smith J. C. Criminal Law. 10th edition. London, 2002. P. 409.

³⁶ American Journal of International Law. Vol. 80. № 3. 1986. P. 612–622. — Кстати, Конвенция о геноциде была ратифицирована Сенатом США почти через сорок лет после ее подписания Соединенными Штатами.

опасности человечества, в частности) можно расценивать в качестве прямых источников внутреннего уголовного права зарубежных государств.

Тем не менее в странах с различными системами внутреннего права сохраняются определенные различия в решении вопроса о том, каким образом международно-правовые нормы становятся источниками уголовного права. То есть разница состоит не в принципе признания международного права источником права национального, а в способах воздействия (влияния) международно-правовых норм на положения национальных уголовных законов.

Как уже подчеркивалось, в странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств. При этом международно-правовая норма может действовать непосредственно, но чаще она имплементируется в национальное уголовное законодательство.

В странах общего права такой способ действия международного акта уголовно-правового характера, как его непосредственное применение на территории этих государств, обычно исключается. Норма международного права может являться источником уголовного права только при ее имплементации в национальное уголовное законодательство стран общего права. При этом большое (если не большее) значение имеет имплементация международно-правового предписания не столько в статутное право, сколько в судебный прецедент.

Концепция современного уголовного права большинства стран континентальной системы права базируется на идеях примата общечеловеческих ценностей (фактически — международных) над национальными, а следовательно, подчинения национальных правовых систем праву мирового сообщества. К числу отличительных признаков правового государства западные политики и юристы относят не только верховенство закона, но и его соответствие международному праву.³⁷ Несомненно, это в равной мере касается всего отраслевого законодательства развитых стран, в том числе и уголовного.

Действительно, в новейшем уголовном законодательстве европейских стран эти положения получили непосредственное закрепление.

Франция. Концептуальной идеей нового УК Франции является принцип примата международного права над внутригосударственным.³⁸ Международно-правовые нормы стали источниками французского уголовного закона в силу их имплементации во внутреннее законодательство. Причем, как правило, она происходила путем имплементации международной нормы, т. е. ее адаптации в соответствии с национальными особенностями. Такая адаптация нередко носит своеобразный расширительный характер по сравнению с нормой международного договора.

Так, например, УК Франции в книге II «О преступлениях и проступках против человека» содержит раздел I «О преступлениях против человечества», в котором расположена глава I «О геноциде». Статья 211-1 данной главы говорит о том, что «являются геноцидом действия, осуществляемые во исполнение согласованного плана, имеющего целью полное или частичное уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, по совершению или принуждению к совершению, в отношении членов этой группы, одного

³⁷ См.: Боботов С. В., Васильев Д. И. Французская модель правового государства // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 105–112.

³⁸ Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 15.

из следующих действий: умышленное посягательство на жизнь; тяжелое посягательство на физическую или психическую неприкосновенность; установление таких условий существования, которые влекут полное или частичное уничтожение группы; меры, направленные на снижение рождаемости; насильственное перемещение детей».³⁹

Нормы международного права говорят о совершении указанных действий только в отношении «национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Данный перечень является, по смыслу нормы, исчерпывающим. В то же время УК Франции допускает совершение таких действий также в отношении «группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия».

На наш взгляд, такое понимание геноцида в УК Франции носит расширительный характер по отношению к нормам международного права.

Далее, в УК Франции в связи с подписанием ряда международных соглашений впервые включены нормы о преступлениях против человечества, в том числе о военных преступлениях. Например, ст. 212–1, 212–2 УК Франции в соответствии с положениями Женевских конвенций устанавливают ответственность за такие преступления, как: депортация; обращение в рабство; массовое и систематическое осуществление смертной казни без суда; похищение людей, за которым следует их исчезновение; пытки или акты жестокости, совершенные по политическим, расовым или религиозным мотивам и организованные во исполнение обдуманного плана против группы гражданского населения.

При этом наиболее строго (только пожизненным заточением) караются данные деяния, если они совершены во время войны «против тех, кто борется с идеологической системой, во имя которой совершены преступления против человечества».

Выгодной особенностью французского уголовного закона является возможность наступления ответственности за указанные преступления не только физических, но и юридических лиц (ст. 213–3).

В то же время УК Франции в ряде случаев прямо заимствует то или иное положение из норм международного права. Так, например, определение пытки (ст. 222–6) полностью соответствует ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

Однако в УК Франции имеется ряд законодательных пробелов, связанных с регламентацией военных преступлений, в частности – наемничества. В книге IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного порядка» содержится глава II «О других посягательствах на институты Республики или на неприкосновенность национальной территории». Эта глава включает отдел 3 «О захвате командования, наборе вооруженных сил и подстрекательстве к незаконному самовооружению», где помещены две статьи, имеющие непосредственное отношение к наемничеству.

Статья 412–7 гласит: «Наказывается... набор вооруженных сил без приказа или без разрешения законных властей».

В данной норме бесспорно речь идет о вербовке лиц для создания вооруженных сил. Однако законодатель не указывает на гражданство и на место постоянного проживания набираемых лиц в качестве обязательных признаков указанного состава. Логично предположить, что такими лицами могут быть как граждане Франции или лица, постоянно проживающие на ее территории, так и лица, не являющиеся гражданами Франции и не проживающие постоянно на ее территории. Следствием такого предположения становится утверждение о том, что вторая категория лиц является наемниками, а сама норма в части регламентирует один из составов наемничества.

³⁹ Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 56–57.

Еще одной нормой, относящейся к наемничеству, является ст. 413–1. Она содержится в отделе 1 «О посягательствах на безопасность вооруженных сил и на охраняемые зоны оборонного назначения» главы III «О других посягательствах на национальную оборону». В статье говорится: «Осуществляемое с целью нанести ущерб национальной обороне, подстрекательство военных, относящихся к французским вооруженным силам, к переходу на службу иностранного государства – наказывается...»

Указанная статья конкретизирует состав наемников – только военные, относящиеся к французским вооруженным силам. Следовательно, для признания данного преступления наемничеством необходимо, чтобы этих лиц набирали для участия в вооруженном конфликте, участницей которого Франция не является. Ущерб национальной обороне может заключаться и в отсутствии данных военных в составе вооруженных сил Франции. Совокупность трех вышеназванных статей и образует (с рядом допущений) регламентацию уголовной ответственности за наемничество во Франции.

Германия. Выгодной особенностью германского уголовного закона является прямое указание в его тексте на то, что «международные Конвенции» имеют преимущественную силу перед национальным законодательством – т. е. конституционное предписание о приоритете норм международного права, по существу, продублировано в самом уголовном законодательстве.

Анализ Особенной части УК Германии также позволяет сделать вывод об имплементации норм международного права о преступлениях против мира и безопасности человечества. Нередко при имплементации нормы международного права в Германии принимается специальный закон о выполнении того или иного международного акта уголовно-правового характера.

В соответствии с международным уголовным правом в раздел 16 УК Германии «Преступные деяния против жизни» был включен § 220a «Геноцид» следующего содержания: «(1) Кто с целью уничтожения полностью или частично национальной, расовой, религиозной или отличающейся своими традициями общности: убивает представителя этой общности; причиняет представителям этой общности тяжелый физический или моральный вред...; ставит эту общность людей в такие жизненные условия, которые могут вызвать физическое уничтожение этой общности полностью или частично; предпринимает меры, направленные на то, чтобы предотвратить рождаемость в данной общности; насильственно перемещает детей данной общности в другие общности – наказывается...»⁴⁰

Нетрудно заметить, что смысловое содержание данной нормы практически полностью совпадает с международно-правовой нормой о геноциде. Особенностью германского уголовного закона является то, что состав геноцида носит не просто формально-материальный характер с точки зрения объективной стороны. В качестве одного из последствий, указанных в диспозиции § 220a УК ФРГ, предусмотрено причинение тяжкого морального вреда представителям той или иной демографической общности. Видимо, это связано с особой оценкой актов геноцида в немецком обществе, где в годы Второй мировой войны геноцид еврейского населения стал одним из основных направлений государственной политики третьего рейха. Покаяние – вот что свойственно германской нации: недаром немецкий уголовный закон при регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление как бы «завышает планку» при определении преступности актов геноцида.

Германия, ставшая инициатором двух мировых войн, закрепила в своем уголовном законодательстве преступность как подготовки агрессивной войны, так и подстрекательства к агрессивной войне (§§ 80–80a). Особо подчеркнем, что в немецком УК подготовка агрес-

⁴⁰ Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996. С. 134.

сивной войны является преступлением, если в такой войне «должна будет участвовать» Германия, так как это деяние «создает опасность войны» для самой Германии.

Наконец, УК ФРГ предусматривает целый ряд преступлений, составляющих нападение на лиц, пользующихся международной защитой. Так, в § 102 говорится о посягательстве на жизнь или здоровье главы зарубежного государства, члена его правительства или аккредитованного на территории Германии главы иностранного дипломатического представительства, если лицо, подвергшееся нападению, находилось в официальном качестве на территории Германии. А в § 103 устанавливается преступность «словесного нападения», т. е. оскорбления указанных лиц.

Испания. Раздел XXIV нового УК Испании («Преступления против международного сообщества») содержит целую систему преступлений против мира и безопасности человечества.

Так, в главе II «О геноциде» расположена соответствующая норма, полностью дублирующая положения Конвенции о геноциде.⁴¹ Особенность УК Испании – прямое указание в национальной норме на то, что в качестве преступления геноцида должно расцениваться хотя бы однократное убийство или причинение вреда здоровью представителя той или иной демографической общности, совершенное с целью полного или частичного уничтожения такой общности. Таким образом, в УК Испании наиболее четко сконструирован такой материальный признак состава геноцида, как «убийство или причинение тяжких телесных повреждений», – для юридической квалификации по названной норме достаточно хотя бы однократного причинения данного последствия (естественно, если деяние совершено с указанной целью).

Очень подробно УК Испании регламентирует ответственность за военные преступления. Так, например, в ст. 608 говорится о том, что «защищаемыми» признаются следующие лица:

1. Раненые, больные и пострадавшие, а также медицинский и религиозный персонал, имеющие защиту по I и II Женевским конвенциям или по I Дополнительному Протоколу;
2. Военнопленные, имеющие защиту по III Женевской конвенции или по I Дополнительному Протоколу;
3. Гражданское население и гражданские лица, имеющие защиту по IV Женевской конвенции или по I Дополнительному Протоколу;
4. Лица, выведенные из строя, и лица, принадлежащие к миротворческим силам, либо те, кто исполняет их обязанности, имеющие защиту по Женевским конвенциям или по I Дополнительному Протоколу;
5. Парламентеры и лица, их сопровождающие, имеющие защиту по II Гагской конвенции от 29 июля 1899 г.;
6. Другие лица, имеющие защиту по II Дополнительному Протоколу или «по другим международным Договорам, которые подписала Испания».

А в ст. 614 УК Испании указано: «Тот, кто во время вооруженного конфликта совершит или прикажет совершить любое другое нарушение или действие, противоречащее положениям международных Договоров, которые подписала Испания, и относящиеся к ведению боевых действий, защите раненых, больных и пострадавших, к обращению с военнопленными, защите гражданского населения и к охране культурных ценностей во время вооруженного конфликта, наказывается...» Полагаем, что процитированное положение УК Испании представляет собой норму, которая восполняет все возможные пробелы данной главы и снимает противоречия с международным правом.

⁴¹ Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 183.

Далее, в УК Испании преступными нарушениями международного права, совершаемыми «против международного сообщества», признаются, в частности (ст. 609): 1) убийство находящегося в Испании главы иностранного государства или «другого лица, имеющего международную защиту по Договору»; 2) причинение телесных повреждений вышеуказанным лицам; 3) «любое другое преступление» против этих же лиц, а также против присутственных мест, частной резиденции, средств транспорта указанных лиц; 4) нарушение личной неприкосновенности главы иностранного государства или «другого лица, имеющего международную защиту по Договору».

Польша. О возможности прямого применения международного права при определении преступности того или иного деяния в национальном законодательстве свидетельствует ст. 5 УК Польши 1997 г., говорящая о пределах действия польского уголовного закона – последний не применяется, когда «международным договором, стороной которого является Республика Польша, установлено иное».

Статья 118 УК Польши содержит норму об уголовной ответственности за геноцид: «§ 1. Кто с целью уничтожения полностью либо частично национальной, этнической, расовой, политической, религиозной группы или группы с определенным мировоззрением совершает убийство либо причиняет тяжелый вред здоровью лица, принадлежащего к такой группе, – подлежит наказанию... § 2. Кто с целью, указанной в § 1, создает для лиц, принадлежащих к такой группе, условия жизни, грозящие ей биологическим уничтожением, применяет средства, могущие служить ограничению рождаемости в пределах группы, или принудительно отбирает детей у лиц, принадлежащих к ней, – подлежит наказанию... § 3. Кто совершает приготовление к преступлению, предусмотренному в § 1 или 2, – подлежит наказанию...»⁴²

Уголовное законодательство Республики Польша также расширительно определяет круг потерпевших от геноцида: кроме национальной, этнической, расовой и религиозной группы, потерпевшими от геноцида также являются представители политической группы или группы с определенным мировоззрением.

В польском УК также содержится развернутая система военных преступлений, имплементированных из положений международного права. Так, в ст. 122 установлена преступность нападений на незащищенные местность или объект, санитарную или нейтральную зону во время военных действий, а также «применение иного способа ведения боевых действий, запрещенного международным правом» либо применение запрещенного «средства ведения боевых действий». Сама собой напрашивается аналогия с составом применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Далее, в ст. 123 польского УК специально установлена преступность убийств, причинения вреда здоровью, пыток, «жестокого и нечеловеческого обращения», проведения экспериментов в отношении лиц, защищенных Женевскими конвенциями и протоколами (военнопленных, раненых, больных, гражданского населения). Статья 124 устанавливает наказуемость принуждения к военной службе в вооруженных силах неприятеля, а также лишения либо ущемления права лиц, пользующихся защитой Женевских конвенций и Протоколов, на справедливое судебное разбирательство.

В ст. 125, 126 УК Польши запрещено уничтожение, повреждение и похищение памятников культуры в районах, где «идут боевые действия», а также незаконное использование опознавательных знаков Красного Креста и Красного Полумесяца. Таким образом, в ст. 122–126 УК Польши указаны практически все деяния, считающиеся военными преступлениями по международному праву.

⁴² Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 47–48.

Преступность агрессии в польском УК определена тоже самостоятельно («кто развязывает и ведет агрессивную войну – наказывается...» – § 1 ст. 117). Интересно, что УК Польши аналогично российскому считает самостоятельным преступлением против мира «публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» (§ 3 ст. 117).

Нападение на лиц, пользующихся международной защитой, признается УК Польши государственным преступлением и сформулировано в следующие составы (ст. 136): 1) совершение «активного нападения» на главу иностранного государства или аккредитованного руководителя дипломатического представительства такого государства, либо лицо, «пользующееся подобной охраной в силу законов, обычаев или общепризнанных международных обычаев»; 2) совершение «активного нападения» на лицо, относящееся к дипломатическому персоналу иностранного представительства, либо консульского служащего иностранного государства в связи с выполнением ими служебных обязанностей; 3) публичное оскорбление вышеперечисленных лиц.

Приведенные выше положения конституционного и уголовного законодательства ряда развитых стран позволяют говорить о том, что, несмотря на терминологическую разницу и особенности восприятия международных норм в странах континентального и общего права, существует определенное единство в регламентации оснований ответственности за преступления против мира и безопасности человечества в уголовном праве различных государств. И «юридическим знаменателем» этого правового явления является общепризнанный приоритет норм международного права, отраженный в конституционном законодательстве России и других цивилизованных стран мирового сообщества. Все это подтверждает (конечно, на частном примере) высказанную в литературе фундаментальную идею о том, что между современными уголовно-правовыми системами России и западных стран гораздо больше общего, нежели различного.⁴³

⁴³ Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58; Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 508–510.

§ 3. Пределы уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества

3.1. Общие положения об ответственности физических лиц за совершение преступлений против мира и безопасности человечества

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества явился одним из важнейших тезисов Нюрнбергского процесса.⁴⁴ В силу этого принципа, ответственности за совершение указанных преступлений может подлежать только *физическое лицо* в случае, если оно является исполнителем или иным соучастником преступления, а также если оно покушается на преступление. Таким образом, *общий субъект* преступления против мира и безопасности человечества – любой человек, вне зависимости от каких-либо демографических, социальных, имущественных либо иных характеристик, совершивший это преступление и подлежащий ответственности по международному уголовному праву.

В отличие от национальных уголовных законов, практически во всех источниках международного уголовного права отсутствуют какие-либо указания на признаки, характеризующие субъект преступления. В международных актах речь обычно идет о «лице», «всяком лице», «любом лице» – можно утверждать, что смысл *принципа индивидуальной ответственности лица сводится к установлению тождества между понятиями «субъект преступления» и «субъект ответственности»*.

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества нашел свое закрепление в решениях международных судов. Так, например, в одном из приговоров Международного трибунала по Руанде отмечалось, что «индивиды всех рангов, вовлеченные в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве... могут подлежать ответственности за совершение военных преступлений только в том случае... когда установлена связь между ними и вооруженным конфликтом...».⁴⁵

Под «лицом» как субъектом преступления по международному уголовному праву надо понимать любого человека, который: а) сам совершил преступное деяние; б) использовал для совершения преступного деяния другого человека (например, при исполнении незаконного приказа).

Национальное законодательство всегда устанавливает возрастной предел, по достижении которого возможно признание человека субъектом преступления и, соответственно, возложение на него обязанности нести ответственность за совершенное преступление (например, ст. 20 УК России). Иначе обстоит дело в источниках международного уголовного права – указание на минимальный юридически значимый возраст, как правило, отсутствует.

Означает ли это, что возраст лица не играет никакой роли? Очевидно, что нет. В силу специфики правоотношения и его реализации в международном уголовном праве, установление возраста уголовной ответственности зависит от национального законодательства государства, осуществляющего юрисдикцию в отношении такого лица.

⁴⁴ Волчков А. Ф. Нюрнбергский приговор // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 14.

⁴⁵ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. § 175.

Международное уголовное право знает исключительный случай, когда непосредственно в тексте его источника имеется указание на возрастной предел субъекта. Такое положение содержится в ст. 26 Римского Статута – «Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на предполагаемый момент совершения преступления». Но данное положение относится только к юрисдикции Суда и не мешает осуществлять национальную юрисдикцию над более молодыми лицами, «предположительно» совершившими преступные деяния. В этом случае и более молодой человек (например, в возрасте от 16 до 18 лет – как это установлено в качестве общего правила в ч. 1 ст. 20 Уголовного кодекса РФ) должен признаваться достигнувшем возраста ответственности и нести ответственность за преступление против мира и безопасности человечества.

Вторая неотъемлемая от личности субъекта характеристика – его *вменяемость*, т. е. способность понимать фактический характер своего деяния (действия или бездействия) и свободно руководить им.

В определении вменяемости как юридической категории именно международное право имеет преимущество над, к примеру, российским уголовным законом (где это понятие попросту отсутствует, а его понимание выводится из определения невменяемости). Международный стандарт ООН в области защиты прав человека признает каждого человека вменяемым, пока не доказано обратное (это следует, например, из ст. 16 Международного Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г.).

Следовательно, можно говорить о *презумпции вменяемости* лица, достигшего возраста ответственности: любой человек, достигший возраста уголовной ответственности, считается вменяемым, т. е. понимающим характер своих действий (бездействия) и руководящим ими, пока не доказано обратное.

Исходя из конституционного предписания о приоритете норм международного права над национальным правом, можно утверждать, что положение о презумпции вменяемости действует в уголовном праве тех стран, где ее законодательное определение отсутствует (например, в Российской Федерации).

Отсутствие хотя бы одного из проанализированных признаков исключает возможность признания лица субъектом преступления против мира и безопасности человечества.

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества предполагает *виновное отношение* причинителя к содеянному. Основной характеристикой субъективной стороны любого преступления является вина, т. е. определенное психическое отношение лица к своему деянию и возможному результату – последствиям преступления. Примечательно, что в решениях международных судов вина как субъективный признак (*mens rea*) определяется в качестве «психологической связи между физическим результатом и ментальным статусом преступника».⁴⁶

Так, например, ст. 30 Римского Статута определяет субъективную сторону преступления против мира и безопасности человечества двумя признаками – «намеренность» и «сознательность». При этом намеренность, т. е. целенаправленность поведения, определяется в отношении:

- деяния – когда лицо собирается совершить такое деяние;
- последствия – если лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий.

Намерение – характеристика волевой сферы психики человека, предполагающая «желание, замысел» чего-либо.⁴⁷ Следовательно, желание как волевая характеристика может

⁴⁶ *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96–13-T. 27 January 2000. § 166.

⁴⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 15-е изд. М., 1984. С. 338.

относиться как к деянию, так и к последствию (при презюмированной осознанности лицом фактического характера своих действий).

В отечественной доктрине уголовного права таким психологическим характеристикам соответствует *прямой умысел*, при котором лицо сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Во многих решениях международных трибуналов субъективная сторона преступлений против мира и безопасности человечества обозначена как «желание». Так, например, в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии по обвинению в геноциде указано, что умысел виновных может состоять в «желании двух разновидностей: желании уничтожить как можно большее число защищаемой общности, так и в желании уничтожить избранных представителей такой общности, важных для нее – политических лидеров, религиозных лидеров, интеллектуальной элиты».⁴⁸

«Сознательность» в определении субъективной стороны преступления по международному уголовному праву допускается только лишь в отношении последствия: «сознательно» означает осознание того, что последствие, возможно, наступит «при обычном ходе событий». Таким образом, «сознательное» отношение к последствиям своего деяния означает ничто иное, как их допущение либо безразличное к ним отношение, которые традиционно считаются волевыми характеристиками *косвенного умысла* в отечественном уголовном праве.

Например, в одном из решений Международного трибунала по бывшей Югославии указано, что «осознание... может быть следствием обстоятельств, и не обязательно, чтобы причинитель должен был знать, что именно случится с жертвами».⁴⁹

Полагаем, что совершение преступлений против мира и безопасности человечества возможно: только с прямым умыслом – в формальных составах; с прямым или косвенным умыслом – в материальных составах.

Многие составы содержат прямое указание на такие признаки субъективной стороны, как мотивы и цели совершения преступления. В этих случаях данные признаки становятся обязательными для установления. Действительно, в соответствии со ст. 4 Проекта Международного кодекса, мотивы преступлений против мира и безопасности человечества не играют никакой роли при юридической оценке деяния, если они «не охватываются определением данного преступления». Обязательные мотивы и (или) цели совершения преступлений против мира и безопасности по УК России будут рассмотрены применительно к каждому такому преступлению.

3.2. Специальные вопросы уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества

Проявлением принципа индивидуальной ответственности является самостоятельная регламентация в международном уголовном праве ответственности лица за неоконченное преступление против мира и безопасности человечества, соучастие в его совершении, а также за совершение такого преступления во исполнение приказа.

Неоконченное преступление против мира и безопасности человечества. В источниках существует указание на то, что лицо может быть подвергнуто ответственности не только по факту оконченного преступления против мира и безопасности человечества, но и в ситуа-

⁴⁸ *Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo*. Case № IT-96–21-T. 16 November 1998. §§ 77, 81.

⁴⁹ *Prosecutor v. D. Tadic*. Case № IT-94–1-T. 7 May 1997. §§ 657, 659.

циях, когда задуманное и реализуемое преступление не было доведено до конца по каким-то причинам, не зависящим от воли субъекта. В то же время особенностью международного уголовного права является то, что его источники всегда специально указывают на то, какая стадия совершения преступления может подлежать уголовно-правовой оценке.

Так, ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала устанавливает преступность «заговора» и «общего плана», направленных на осуществление акта агрессивной войны. Здесь же в качестве преступных указываются: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, а равно – войны в нарушение своих международных обязательств. Возникает вопрос – а что же тогда из себя представляет «общий план» или «заговор» при планировании или подготовке агрессии? В силу отсутствия конкретного юридического содержания этих форм поведения и их направленности на обеспечение иных действий, образующих объективную сторону агрессивной войны, представляется, что наличие заговора или «общего» плана (в отличие от «планирования» как деяния) является скорее приготовлением к совершению этого преступления.

Это предположение подтверждается указанием ст. III Конвенции о геноциде, где, наряду с осуществлением акта геноцида (как оконченного преступления) и покушения на совершение геноцида, прямо говорится о преступности «заговора с целью совершения геноцида».

В данном случае буквальное толкование положений названной Конвенции позволяет сделать безусловный вывод – при заговоре только определяется цель совершения преступления, но начало реального его осуществления (т. е. исполнения объективной стороны) еще не произошло.

С точки зрения теории уголовного права, такая стадия совершения преступления, когда лицо (лица) предприняло какие-либо действия по подготовке к совершению преступления, но объективная сторона последнего не начала исполняться, расценивается как приготовление к преступлению.

Надо констатировать, что установление самостоятельной преступности приготовления к преступлению в международном уголовном праве является исключительно редким явлением. Так как практически все преступления против мира и безопасности человечества по УК РФ отнесены к категории тяжких или особо тяжких (кроме публичных призывов к развязыванию агрессивной войны), то, в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ, наказуемо приготовление к их совершению.

А вот покушение на преступление очень хорошо известно международному уголовному праву. При этом речь в источниках может идти о покушении как таковом либо о «попытке» совершения деяния. «Попытка» совершения преступного деяния есть ничто иное, как стадия покушения на его совершение, при котором желаемый результат (исполнение деяния полностью либо наступление желаемых последствий) не достигнут вопреки воле лица – «преступление осталось незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица» (п. «е» ч. 3 Римского Статута).

Таким образом, в международном уголовном праве преступность той или иной стадии совершения преступления устанавливается применительно к каждому деянию. При этом в самих нормах международного уголовного права отсутствует какое-либо обязательное правило о дифференциации ответственности за оконченное и неоконченное преступление.

Отечественный УК, вводя универсальную категорию покушения на умышленное преступление (ч. 3 ст. 30), дает возможность привлечения лица к ответственности за покушение на любое преступление против мира и безопасности человечества. Выгодной особенностью российского уголовного законодательства является введение единых условий наказуемости неоконченного преступления (ст. 66 УК РФ).

Соучастие в преступлении против мира и безопасности человечества. В теории уголовного права под соучастием в совершении преступления обычно понимается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. При этом обычно выделяются объективные признаки соучастия (совершение преступления двумя и более лицами, являющимися субъектами преступления; совместность деятельности двух и более лиц при совершении преступления; общий для соучастников преступный результат, находящийся в причинной связи с действиями всех соучастников) и его субъективные признаки (взаимная осведомленность соучастников о совместных действиях, т. е. двухсторонняя субъективная связь между ними; общность умысла соучастников в совершении преступления – причем мотивы и цели соучастников в совершении одного и того же преступления могут быть различными). Отсутствие хотя бы одного из названных объективных или субъективных признаков исключает юридическое соучастие в преступлении.

Институт соучастия хорошо знаком международному уголовному праву: так, в силу ч. 3 ст. 25 Римского Статута, для соучастия в преступлении против мира и безопасности характерны следующие признаки:

- лицо «совместно с другим лицом» совершает преступление или покушение на преступление;
- при совершении преступления группой лиц они действуют «с общей целью»;
- лицо осознает «умысел группы» на совершение конкретного преступления.

Международно-правовые акты обычно не выделяют конкретных видов соучастников – в них чаще указывается, что ответственности подлежит любое лицо, которое «принимает участие в качестве сообщника любого лица, которое совершает или пытается совершить» преступление, либо просто «является соучастником лица», совершающего деяние или покушение на деяние.

Позднейшие акты международного уголовного права более определенно говорят о возможных видах соучастников в совершении преступления. В соответствии со ст. 25 Римского Статута, подлежит уголовной ответственности лицо, которое:

- совершает преступление индивидуально или совместно с другими лицами;
- приказывает, подстрекает или побуждает совершить преступление (если такое преступление все же совершается или имеет место покушение на его совершение);
- с целью облегчить совершение такого преступления пособничает или иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая «предоставление средств для его совершения».

Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала прямо говорит о существовании таких видов соучастников, как руководитель, организатор, подстрекатель и пособник. С другой стороны, российский Уголовный закон называет четыре вида соучастников, соединяя организаторские и руководительские функции в лице организатора преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

В соответствии со ст. 34 УК РФ, пределы ответственности соучастников, не являющихся исполнителями преступления, основаны на доктрине ограниченного акцессорного соучастия. Ограниченность акцессорности при регламентации уголовной ответственности соучастников состоит в том, что в ряде случаев деятельность соучастников, не являющихся исполнителями преступления или покушения на преступление, подлежит самостоятельной правовой оценке.

Особо отметим, что УК РФ, устанавливая в ст. 35 самостоятельные формы соучастия, в главе 34 нигде не предусматривает их в качестве квалифицирующих обстоятельств. Буквально такое положение вещей как бы соответствует положениям международно-правовых актов, ни в одном из которых не говорится о дифференциации ответственности при совер-

шении преступления против мира и безопасности человечества в той или иной форме соучастия.

Исходя из определенных в УК РФ нижних и верхних пределов санкций за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, применение запрещенных средств и методов ведения войны, геноцид и экоцид, введение квалифицирующих обстоятельств совершения этих преступлений «группой лиц по предварительному сговору» или «организованной группой» вряд ли целесообразно. В противном случае действия одиночного исполнителя должны подлежать менее суровой правовой оценке, что недопустимо и противоречит нормам международного права. В нормах о других преступлениях против мира и безопасности человечества (в частности, о наемничестве; незаконном обороте оружия массового поражения; нападении на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой) вполне могли бы найти свое место указанные квалифицирующие признаки – что, в свою очередь, позволит последовательно реализовывать принцип дифференциации уголовной ответственности.

Совершение преступлений против мира и безопасности человечества во исполнение приказа. Не вызывает сомнений тот факт, что многие преступления против мира и безопасности человечества совершались и совершаются во исполнение приказа.

Еще 13 января 1942 г. была подписана Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны, в которой представители ряда государств объявили «одной из своих основных целей войны наказание, путем организованного правосудия, тех, кто виновен и ответственен за эти преступления, независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме».⁵⁰

Следующим актом, устанавливающим ответственность за совершение военных преступлений во исполнение приказа, явилась Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами Союза ССР, Соединенного Королевства, США и Временным правительством Французской Республики. Статья 11 этого документа гласила: «главные нацистские лидеры... в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников».⁵¹

В указанных актах нашли свое закрепление принципы действия института исполнения приказа: официально прозвучало намерение привлекать к ответственности не только лиц, отдававших преступные приказы, но и исполнителей таковых. Дальнейшее развитие институт исполнения приказа получил на Нюрнбергском процессе.

В теории отечественного уголовного права обычно утверждается, что исполнение приказа или распоряжения связано с причинением вреда во исполнение обязательного для лица распоряжения о совершении какого-либо действия (бездействия), данного компетентным органом либо лицом, наделенным соответствующими полномочиями.

Формирование этого института в международном уголовном праве началось с понимания того, что, несмотря на принцип «недопустимости ссылки на приказ», причинение объективно преступного вреда во исполнение последнего все же может при определенных обстоятельствах расцениваться в целом как непроступное.

Так, Комиссия международного права ООН, формулируя принципы Нюрнбергского процесса, решила этот вопрос следующим образом: «Исполнение приказа правительства

⁵⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3 т. Т. 1. М., 1946–1947. С. 320.

⁵¹ Там же. С. 277.

или начальника не освобождает от ответственности... если фактически был возможен сознательный выбор».⁵²

То есть отсутствие возможности сознательного выбора поведения исполнителя приказа освобождало его от ответственности за исполнение обязательного для него распоряжения. В современных актах международного уголовного права продолжает действовать принцип, согласно которому исполнение преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

Принцип недопустимости ссылки на официальное или должностное положение лица был впервые сформулирован в ст. 7 Устава Нюрнбергского трибунала: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств и ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчающее наказание», – а затем повторен в Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии (ст. 7) и Руанде (ст. 6).

Международно-правовые акты в регламентации ответственности за исполнение незаконного приказа исходят из концепции «умных штыков»⁵³: лица, совершающие преступления при исполнении явно для них незаконного приказа, должны подлежать уголовной ответственности; а начальник должен нести ответственность за преступления, совершенные при исполнении отданного им незаконного приказа, в любом случае.

В принятых в последнее время документах международного права содержится перечень обстоятельств, освобождающих исполнителя приказа от уголовной ответственности. При этом должны быть соблюдены все такие требования, а именно:

- 1) исполнитель был обязан исполнить приказ правительства или начальника;
- 2) исполнитель не знал, что приказ был незаконным, или сам приказ не носил явно незаконного характера.

Несоответствие этим критериям является основанием для привлечения исполнителя приказа к ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества.

Применительно к отечественному уголовному праву сформировалось понимание того, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа. При этом лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение явно преступного приказа, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение явно преступного приказа исключает уголовную ответственность. С другой стороны, лицо, отдавшее преступный приказ, несет уголовную ответственность в случаях, если преступность приказа охватывалась его умыслом.

Остановимся на одном любопытном положении международного уголовного права. В силу ч. 2 ст. 33 Римского Статута, приказ о совершении акта геноцида или любого преступления против человечности всегда расценивается как явно незаконный.

Это означает, что исполнитель такого приказа, в силу очевидной преступности последнего, не может освобождаться от ответственности ни при каких обстоятельствах (очевидность преступности приказа означает, что любой человек должен понимать *de facto*, что ему отдан приказ о совершении преступления и он, исполняя такой приказ, также совершает преступление). Преступления против мира и безопасности человечества как раз и специфичны тем, что причиняют вред абсолютным благам. То есть каждый должен, если можно так сказать – в силу бесчеловечности любого из этих деяний, понимать, что совершает именно преступление.

⁵² Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Под ред. И. А. Ледях и И. И. Лукашука. М., 1995. С. 113.

⁵³ Зимин В. П. Правомерное неисполнение приказа: доктрина «умных штыков» // Правоведение. 1993. № 2. С. 35–45.

Представляется, что принцип недопустимости ссылки на приказ, как он сформулирован в ст. 33 Римского Статута, должен в полной мере применяться при квалификации наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности человечества, таких как: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид.

В этом случае положения ст. 33 Римского Статута должны обладать приоритетом над ст. 42 УК РФ – следовательно, при квалификации указанных преступлений неприменима ссылка исполнителя на отсутствие возможности выбора при исполнении приказа.

3.3. Давность уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества

Учитывая исключительную опасность ряда преступлений по международному уголовному праву, еще в 1968 г. была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. В соответствии с этим документом никакие сроки давности не исчисляются при привлечении к ответственности за совершение ряда преступлений против мира и безопасности человечества, в том числе:

1) за военные преступления (нарушения законов и обычаев войны, как они определены в п. «b» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала), в том числе за «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях 1949 г.);

2) за преступления против человечества, вне зависимости от времени их совершения и того, являются ли они нарушением внутреннего права (определены в п. «с» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала);

3) за совершение актов геноцида.

Таким образом, срок давности не исчисляется не за все преступления по международному уголовному праву, а лишь за те деяния, которые (вначале в теории, а затем и в международно-правовых нормах) отнесены к преступлениям против мира и безопасности человечества.

Отсутствие сроков давности за данные преступления было подтверждено и более поздними актами международного уголовного права. При этом произошло расширение перечня деяний, являющихся такими преступлениями.

Так, ст. 29 Римского Статута установила, что ни за одно из преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не течет срок давности. В соответствии со ст. 5 этого же документа, к юрисдикции Суда относятся: преступление геноцида, преступление агрессии, преступления против человечности (11 деяний), военные преступления (среди которых: 8 «серьезных нарушений» Женевских конвенций 1949 г. и 26 «других серьезных нарушений» законов и обычаев международных военных конфликтов; 4 особо оговоренных «серьезных нарушения» Женевских конвенций 1949 г., допущенных в отношении лиц, не принимавших участия в военных действиях; 12 «серьезных нарушений» законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера, – т. е. всего 50 (!) преступлений против законов и обычаев ведения войны и военных действий⁵⁴).

Как известно, рассматриваемый принцип нашел свое прямое воплощение в положениях ст. 78, 83 УК РФ о неприменимости сроков давности уголовной ответственности и обвинительного приговора суда при совершении наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных ст. 353, 356, 357, 358 УК РФ. Подчеркнем особо – задолго до принятия УК РФ 1996 г. в советском праве действовало введенное

⁵⁴ Подробнее см.: Костенко Н. И. Международный уголовный суд (юрисдикционные аспекты) // Государство и право. 2000. № 3. С.93–95.

в силу международного права положение о неисчислении сроков давности уголовного преследования лиц, совершивших «преступления против мира, человечности и военные преступления» в годы Второй мировой войны.⁵⁵

3.4. Проблема ответственности юридических лиц и государства за преступления против мира и безопасности человечества

Вначале подчеркнем категорический императив действующего отечественного законодательства: юридические лица и государственные учреждения как таковые уголовной ответственности подлежать не могут.

Однако в литературе имеются указания на необходимость признания юридических лиц субъектами указанных преступлений.⁵⁶

Более того, в Руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового экономического порядка (1985 г.) имеется следующее предписание: «Государства-члены должны рассматривать вопрос о предусмотренности уголовной ответственности не только для лиц, действовавших от имени какого-либо учреждения, корпорации или предприятия... но и для самого учреждения, корпорации или предприятия путем выработки соответствующих мер предупреждения их возможных преступных действий и наказания за них».⁵⁷

Итак, международный документ признает, что юридическое лицо может совершить преступление. Но как это лицо будет нести ответственность? Этот же документ требует установить ответственность для юридического лица в рамках национального закона.

Ученые, ратующие за введение в законодательство института уголовной ответственности юридических лиц, подчеркивают, что вред, причиняемый деятельностью юридического лица, значительно превышает вред, который может быть нанесен отдельным физическим лицом.⁵⁸

Так, С. Г. Келина отмечает, что привлечение к уголовной ответственности руководителей или иных физических лиц, представляющих соответствующее юридическое лицо, как правило, связано, по существу, с объективным вменением, так как они хотя и знали о незаконной деятельности юридического лица, но своими силами изменить ничего не могли. В ряде случаев вообще трудно установить, кто конкретно виновен в преступлении.⁵⁹

Разработчики Концепции уголовного законодательства Российской Федерации аргументировали целесообразность введения уголовной ответственности юридических лиц тем, что применение к ним соответствующих санкций, например за преступления против мира и безопасности человечества, могло бы усилить уголовно-правовую охрану важнейших объектов.⁶⁰

А. С. Никифоров указывает, что принципиальными основаниями признания за организацией статуса субъекта преступления и уголовной ответственности за него являются спе-

⁵⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 10. Ст. 123.

⁵⁶ Так, В. П. Панов допускает это на примере признания в Приговоре Нюрнбергского трибунала преступными таких организаций, как СС, СД, гестапо (см.: *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 32).

⁵⁷ Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание. Нью-Йорк, 1992. С. 34.

⁵⁸ *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 6–9.

⁵⁹ *Келина С. Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 52.

⁶⁰ См.: Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 44.

цифичные в таких случаях причинная связь и вина. Поскольку организация делегирует своему управляющему органу принятие и исполнение стратегических и оперативных решений, такие решения и основанное на них поведение по своей юридической сути являются решениями и поведением организации, поэтому она и должна нести ответственность. Отсюда делается вывод: «Преступление признается совершенным юридическим лицом, если оно совершено (непосредственно или при посредничестве других лиц) лицом или лицами, которые контролируют осуществление юридическим лицом его прав и действуют в осуществление этих прав, т. е. являются *alter ego* юридического лица – его “другим я”».⁶¹

Противники уголовной ответственности юридических лиц прежде всего подчеркивают, что ее установление не соответствует краеугольным принципам уголовного права – принципам личной и виновной ответственности. Уголовное право связывает ответственность со способностью лица, совершившего преступление, отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, каковой обладают лишь люди.

«Сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно, – считает Н. Ф. Кузнецова. – Вина всегда не что иное, как психическое отношение лица к своему деянию. Этой вины у юридических лиц нет».⁶²

Как известно, юридические лица являются субъектами преступления в уголовном праве многих государств (США, Франции и других); нередко (особенно в последнее время) ставится вопрос о необходимости установления ответственности юридических лиц в российском уголовном праве.⁶³ Мы полагаем, что юридические лица должны быть официально признаны субъектом ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества. Это потребует внесения соответствующих изменений в российское уголовное законодательство, что можно только приветствовать – другое дело, что кардинальному пересмотру подвергнется отечественная доктрина субъекта преступления.

Практически таким же образом обстоит дело и с признанием государства субъектом преступления против мира и безопасности человечества. Очевидно, что многие такие преступления совершаются от лица государства (например, развязывание и ведение агрессивной войны).

Но может ли государство нести именно уголовную ответственность?

На этот счет существуют различные точки зрения, однако нормы международного права не предусматривают ответственность государства по международному уголовному праву как таковому. Так, например, ст. 5 Определения агрессии устанавливает только «международную ответственность» государства за агрессивную войну против мира и безопасности человечества.

Комитет по уголовной юстиции 1951 г. при обсуждении статьи 25 проекта Статута Международного Уголовного Суда ограничил персональную подсудность физическими лицами, отметив, что «ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер» и «не дело суда решать подобные вопросы».⁶⁴

В 1983 г. Комиссия международного права, возобновив обсуждение темы проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, попросила Генеральную Ассамблею уточнить, входит ли государство в число субъектов права, которым может быть

⁶¹ Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 65.

⁶² Кузнецова Н. Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С. 82.

⁶³ См., напр.: Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 43–49.

⁶⁴ Документ ООН А/2136.

вменена уголовная ответственность, «ввиду политического характера этой проблемы». В 1984 г. Комиссия международного права решила ограничить проект на нынешнем этапе уголовной ответственностью индивидов, что не препятствует последующему рассмотрению возможности применения к государствам понятия уголовной ответственности.⁶⁵

В Проект Международного кодекса включена специальная статья 4 «Ответственность государств», которая устанавливает, что «ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренная в настоящем Кодексе, никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву».

Полагаем, что идея уголовной ответственности государств обуславливается не столько юридической, сколько политической ценностью – не оставить безнаказанным государство, обычно «основной субъект» совершения международных преступлений: главной целью этой концепции можно считать обоснование специального режима ответственности государств за преступления против мира и безопасности человечества.

Безусловно, государство может совершить преступление по международному праву, но не может подвергаться уголовной ответственности в строгом смысле, неся международно-правовую ответственность.⁶⁶ В данном случае мы имеем дело с несовпадением понятий «субъект преступления» и «субъект ответственности».

Таким образом, концепция уголовной ответственности государств существует лишь в доктринальных разработках. По этим причинам практическое осуществление уголовной ответственности государств в настоящее время невозможно. Фактически реализуется политическая (не в смысле оснований, а в смысле процедуры принятия решений) ответственность государств за международные преступления.

⁶⁵ Фисенко И. В. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3.

⁶⁶ Видимо, подобного рода соображениями руководствовался В. Ф. Цепелев, предлагая употреблять термин «международное преступление» применительно к «нарушениям международного права со стороны государств», а понятие «международное (уголовное) преступление» – по отношению «к преступным посягательствам на охраняемые международным уголовным правом объекты со стороны физических лиц» (см.: Цепелев В. Ф. Указ. соч. С. 80).

§ 4. О перспективах развития системы преступлений против мира и безопасности человечества в уголовном праве России

Вступление в силу Римского Статута и перспектива принятия Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества заставляет нас обратиться к вопросу о возможных путях развития системы этих преступлений в уголовном праве России.

Проект Международного кодекса содержит 12 составов преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 15–26), а именно: агрессия; угроза агрессии; вмешательство; колониальное господство и другие формы иностранного господства; геноцид; апартеид; систематические и массовые нарушения прав человека; исключительно серьезные военные преступления; вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств; преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде.

Большинство из перечисленных деяний уже включены в систему преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ. В ряде случаев название и (или) диспозиция норм отечественного УК почти дословно воспроизводит положения действующих конвенций и норм Проекта Международного кодекса. Так обстоит дело с преступлениями геноцида, наемничества, применения запрещенных средств и методов ведения войны («исключительно серьезных военных преступлений»).

С другой стороны, УК РФ выгодно отличается от действующих и предполагаемых норм международного права в плане регламентации ответственности за экоцид («преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде»), а также за деяния, преступность которых прямо не установлена в Проекте Международного кодекса и Римском Статуте (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой).

Наконец, УК РФ находится в «проигрышном» положении при установлении уголовной ответственности за агрессию – в нормах международного права прямо перечислены деяния, признаваемые актом агрессии и угрозы агрессии, чего нет в диспозиции ст. 353 УК РФ.

Но во всех перечисленных примерах УК РФ *уже воспринял* предписания международного уголовного права – нас же интересует вопрос о тенденции восприятия отечественным законодательством уже имеющихся или предполагаемых международных норм о преступлениях против мира и безопасности человечества, отсутствующих на настоящий момент в главе 34 УК России.

Апартеид. Действующее международное право предписывает объявлять «караемым по закону преступлением» всякое распространение идей о расовом превосходстве и любые акты расовой дискриминации (ст. 4 Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г.). К числу таких актов, безусловно, относится апартеид – совершение любого действия, основанного на политике и практике расовой сегрегации, с целью установления и поддержания господства одной расовой группы над какой-либо другой расовой группой.

В ст. 1 Конвенции об апартеиде прямо говорится о том, что апартеид представляет собой преступление против человечества и что «бесчеловечные акты, являющиеся следствием политики и практики апартеида и сходной с ним политики и практики расовой сегрегации и дискриминации... являются преступлениями, нарушающими принципы междуна-

родного права, в частности цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, и создающими серьезную угрозу для международного мира и безопасности».

О необходимости установления в национальном законодательстве уголовной ответственности за апартеид (расовую сегрегацию) также заявляет вступившая для России в силу вышеназванная Конвенция: «Государства – участники настоящей Конвенции обязуются... принять любые меры законодательного или иного характера, необходимые для пресечения, а также предотвращения любого поощрения преступления апартеида и сходной с ним сегрегационистской политики или ее проявлений и наказания лиц, виновных в этом преступлении» (ст. 4).

В литературе встречается утверждение о том, что апартеид является частным проявлением геноцида и не существует необходимости в криминализации деяния апартеида.⁶⁷

Однако, как представляется, расовая сегрегация и деяния, образующие объективную сторону геноцида, – различные проявления преступной деятельности. К тому же осуществление политики расовой сегрегации вовсе не преследует обязательной цели уничтожения какой-либо демографической общности. Более того, апартеид предполагает ущемление прав и интересов только одной демографической группы – расы; а о других демографических группах (нации, этносе, религиозной общности) при совершении апартеида речи не идет вовсе.

Как видно, объективные признаки геноцида и апартеида различны. На наш взгляд, такое «включение» апартеида в понятие геноцида является абсолютно неверным, и, в силу различий объективных и субъективных сторон геноцида и апартеида, последний нельзя расценивать как частное проявление первого. Более того, акты международного права предусматривают установить самостоятельную ответственность за осуществление актов апартеида как преступления против безопасности человечества, на что было обращено внимание в отечественной науке.⁶⁸

В силу предписания императивных норм международного права (Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г.; Конвенции об апартеиде) в XII раздел УК РФ должен быть введен состав апартеида как одного из наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности человечества, известных международному уголовному праву.

В предыдущих исследованиях мы уже предлагали возможную формулировку состава апартеида в УК РФ – повторим ее и сейчас:

«Статья 357¹. Апартеид.

Апартеид, то есть совершение действий, основанных на расовой сегрегации, выражающихся в лишении членов расовой группы права на свободу личности или принятии любых мер, рассчитанных на воспрепятствование участию расовой группы в политической, социальной, экономической или культурной жизни страны, либо создании условий, препятствующих полноценному развитию расовой группы, —
наказывается...»

На XLV сессии Комиссии международного права ООН⁶⁹ активно обсуждался вопрос о признании преступлениями против мира и безопасности человечества таких деяний, как вмешательство, колониальное господство и другие формы иностранного господства, апар-

⁶⁷ Лукашук И. И., Наумов А. В. Указ. соч. С. 126.

⁶⁸ См.: Шибков О. Н. Указ. соч. С. 130–131.

⁶⁹ См.: Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Комиссия международного права. XLV сессия. 3 мая–23 июля 1993 года. Нью-Йорк, 1993. С. 3–15.

теид, систематические и массовые нарушения прав человека, наемничество, международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде. Не вызывает сомнений, что все перечисленные деяния создают угрозу миру и безопасности человечества как объекту уголовно-правовой охраны и характеризуются высокой степенью опасности. Однако в ходе сессии Комиссии международного права был выдвинут ряд принципиальных возражений против их криминализации.

Вмешательство определено в Проекте Международного кодекса (ст. 17) как подстрекательство к (вооруженной) подрывной или террористической деятельности или организация, оказание помощи или финансирование такой деятельности, или поставка оружия для целей такой деятельности, имеющие следствием «(серьезный) подрыв свободного осуществления... государством своих суверенных прав».

По мнению многих юристов, такое определение вмешательства является слишком общим и неконкретизированным – более того, в международном праве отсутствуют юридические основания установления уголовно-правового запрета на «вмешательство».⁷⁰

Аналогичные претензии были выдвинуты к криминализации деяния в виде *колониального господства и других форм иностранного господства* (ст. 18 Проекта Международного кодекса), определенного как насильственное установление или сохранение колониального господства или «любой другой формы иностранного господства в нарушение права народов на самоопределение в том виде, как оно закреплено в Уставе Организации Объединенных Наций». По замечанию представителей Великобритании и США, такого рода дефиниция колониального господства «поглощает» составы таких общепризнанных преступлений против мира и безопасности человечества, как геноцид или апартеид. Более того, само понятие «колониальное господство» имеет скорее историческое содержание – в современном мире это явление отсутствует в том смысле, как оно существовало до середины XX в.

Также юридически неопределенно понятие *систематических и массовых нарушений прав человека* (ст. 21 Проекта Международного кодекса), охватывающее совершение убийств; пыток; установление или поддержание в отношении лиц положения рабства, подневольного состояния или принудительного труда; преследование по социальному, политическому, расовому, религиозному или культурному признаку, осуществляемое на систематической основе или в массовом масштабе; депортацию или принудительное перемещение населения.

Во-первых, данное определение «пересекается» с определениями все тех же геноцида и апартеида, а также военных преступлений (если перечисленные деяния совершаются во время вооруженных конфликтов). Во-вторых, практически все эти деяния являются «традиционными» для национального уголовного права, и их дублирование (по крайней мере, так, как эти деяния сформулированы в Проекте Международного кодекса) может привести к нежелательным затруднениям в правоприменении.

Последний аргумент на XLV сессии Комиссии международного права был адресован также и сторонникам криминализации в качестве преступления против мира и безопасности человечества *незаконного оборота наркотических средств* (ст. 25 Проекта Международного кодекса), а именно незаконного оборота наркотических средств в крупных масштабах, будь то «в пределах одного государства или в трансграничном контексте».

Таким образом, проблема криминализации перечисленных деяний в международном праве в качестве преступлений против мира и безопасности человечества сводится к трудностям при формулировании соответствующих составов и, для ряда деяний, – к невозможности правильной юридической квалификации содеянного по причине их неразграниченности.

⁷⁰ Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 51.

Последний довод представляется наиболее серьезным, так как в международном уголовном праве (ст. 20 Римского Статута) и национальных уголовно-правовых системах, включая российскую, фундаментальным является принцип *ne bis in idem* – никто не может дважды подлежать уголовной ответственности за одно деяние. «Пересеченность» перечисленных составов преступлений, предложенных к криминализации, нарушит этот принцип – ведь одно деяние сможет повлечь несколько юридических последствий в виде квалификации по двум и более нормам о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Полагаем, что возможность криминализации этих деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества возможна только при устранении обозначенных проблем.

Заметим, что в ходе XLV сессии Комиссии международного права были высказаны возражения против включения в число преступлений против мира и безопасности человечества наемничества, «преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде», международного терроризма.

Однако для первых двух деяний в международном праве имеются вполне определенные дефиниции (Конвенция о наемничестве, Конвенция о воздействии на окружающую среду, I и II Дополнительные Протоколы) – и криминализация наемничества и экоцида в УК РФ как бы предваряет принятие Международного Уголовного кодекса. В этом отношении отечественное уголовное законодательство находится в «выигрышном» положении по сравнению с действующим международным правом. О необходимости криминализации в УК РФ апартеида говорилось выше.

Сложнее обстоит дело с *международным терроризмом*. То, что акты международного терроризма стали в настоящее время глобальной угрозой, ни у кого не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить события 1995–2003 гг. во многих городах России (Москве, Буденновске, Первомайском, Кизляре, Волгодонске, Буйнакске, Владикавказе), 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне (которые многие СМИ называли «концом света в прямом эфире»), непрекращающуюся по сей день террористическую активность в Чечне, на Ближнем Востоке и во многих других регионах мира. Задача борьбы с террором (в терминологии западных политиков, «войны с террором» – «war on terror») стала политическим и юридическим основанием для проведения военной кампании США и союзников в Афганистане (2002 г.), в которую включилась и Россия, а также второй военной операции России в Чечне (начиная с 1999 г.).

О международном терроризме и террористах написано великое множество трудов. Мы не собираемся их дублировать – попробуем ответить на вопрос не о социально-политической необходимости (полагаем, что таковая необходимость существует), а о юридических трудностях оценки международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

В ст. 24 Проекта Международного кодекса международный терроризм определен как совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение актов против другого государства или попустительство совершению таких актов, которые «направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют целью вызывать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом». Субъектами этого преступления здесь же названы «агенты и представители государства».

Сразу отметим неудачность такого закрепления субъектного круга международного терроризма: многие акты терроризма совершаются вовсе не от лица какого-либо государства. Взять, к примеру, все ту же Чечню, не являющуюся государством – субъектом международного права: получается, что чеченские и наемные иностранные террористы, взрывавшие жилые дома и захватывавшие больницы и театры, убивавшие сотни ни в чем не повинных

людей, субъектами «международного терроризма» не могут быть признаны. И это несмотря на то, что международный характер террористической активности в Чечне не ставится под сомнение никем, даже самыми последовательными критиками военной операции России в этом субъекте Федерации. Можно еще долго перечислять примеры, когда чудовищные по последствиям акты терроризма были осуществлены вовсе не «агентами или представителями государства» (из последних можно вспомнить взрывы на Бали, совершенные исламскими радикалами против «белых туристов»).

Поэтому полагаем, что субъектом международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества должен быть признан *любой человек*. Тем более, что действующее международное право признает субъектами преступлений против мира и безопасности человечества всех: «людей с улицы, членов правительств, официальных лиц и управленцев партий, промышленников и бизнесменов, судей и обвинителей, докторов, палачей и службу концентрационных лагерей».⁷¹

О необходимости признания актов терроризма преступлением, «направленным против государства, заключающимся в создании обстановки ужаса в умах отдельных личностей, групп населения и общества в целом», говорилось еще в принятой Лигой Наций Конвенции о предупреждении и наказании терроризма от 16 ноября 1937 г. По известным причинам этого не произошло.

На Дипломатической конференции 1998 г. в Риме, принявшей Статут Международного Уголовного Суда, также остро дебатировался вопрос об определении международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.⁷² Особенно резкой критике подверглась формулировка, согласно которой уголовно-правовой запрет ограничивается «государственным» терроризмом, тогда как международный терроризм им не исчерпывается. Представители Алжира, Индии, Турции и Шри-Ланки настаивали на признании международного терроризма именно преступлением против безопасности человечества (человечности). Но согласия в определении международного терроризма достичь не удалось.

Как известно, начиная с 70-х гг. XX в. был принят ряд конвенций о преступлениях «террористической направленности», объявивших таковыми захват заложников, угон самолетов, пиратство, акты «бомбового» терроризма и пр. Многие из положений этих конвенций были отражены в национальном уголовном законодательстве, в том числе российском (ст. 205, 206, 211, 227 УК РФ).

На европейском уровне была принята общая Конвенция по борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г.,⁷³ участницей которой в настоящее время является Российская Федерация. В ст. 2 названной Европейской Конвенции актами международного терроризма названы: а) правонарушения, относящиеся к применению Гаагской Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов от 16 декабря 1970 г.; б) правонарушения, относящиеся к применению Монреальской Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г.; в) тяжелые правонарушения, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей; г) правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы; д) правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного

⁷¹ Kittichaisaree K. Op. cit. P. 133–134.

⁷² Об идее и истории создания Международного Уголовного Суда см.: Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. М., 1998. С. 85–90; Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 13–16.

⁷³ ETS № 90.

оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями, соразмерно с тем, насколько подобное использование представляет опасность для людей.

Полагаем, что выработка понятия «международный терроризм» потребует своеобразного синтеза определений террористических преступлений, имеющих в международном уголовном праве. В этом случае будет открыт путь криминализации международного терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

Глава II. Преступления против безопасности человечества

§ 1. Об истории преступлений против безопасности человечества (человечности)

Термин «преступления против безопасности человечества (человечности)» обычно ассоциируется с совершением преступления геноцида. Понятие «геноцид» происходит от греческого «genos» («племя», «род») и латинского «caedo» («уничтожаю», «убиваю»).

К великому сожалению, понимание того, что геноцид является одним из наиболее ужасных и преступных проявлений человеческой природы, сложилось далеко не сразу, а как итог осмысления всей мировой истории, особенно истории нового и новейшего времени.

Как это ни прискорбно, но мировая цивилизация практически во все эпохи своего развития – как на Востоке, так и на Западе – знает примеры, когда представители одной расовой, национальной либо религиозной группы стремились к уничтожению представителей другой такой группы. Достаточно вспомнить о библейских историях гонений на евреев, о массовом уничтожении христианского населения во время турецкой экспансии в Европу на протяжении XIV–XVIII вв., о трагических страницах самой европейской истории, связанных с избиением католиками протестантов и протестантами католиков во время религиозных войн XVI–XVII вв., и о многих других фактах.

Мы не ставим своей целью перечислить все подобные события, ведь любой акт геноцида – это продукт истории, и он несет на себе черты того общества, в котором произошел.

Юридического термина «геноцид» не существовало очень долго – между двумя мировыми войнами юрист Лемкин (Lemcine) применил его к фактам массового уничтожения армянского населения по указанию властей Османской Турции в 1914–1918 гг.⁷⁴

Таким образом, первое юридическое определение геноцида означало проявление государственной политики по отношению к большому числу представителей той или иной национальной, расовой, религиозной группы либо ко всей такой группе в целом.

То, что юридическую оценку в качестве геноцида получила деятельность, возведенная в ранг государственной политики, требует подробнее остановиться на соответствующих историко-юридических фактах.

Политика геноцида в отношении армян была обусловлена рядом факторов. Ведущее значение среди них имела идеология панисламизма и пантюркизма, которую с середины XIX в. исповедовали правящие круги Османской империи. Воинствующая идеология панисламизма отличалась нетерпимостью в отношении немусульман, проповедовала откровенный шовинизм, призывала к отуречиванию всех нетурецких народов. Вступая в войну, младотурецкое правительство Османской империи строило далеко идущие планы создания «Большого Турана» (присоединение к империи Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, Поволжья, Средней Азии). На пути к этой цели агрессорам надо было покончить прежде всего с армянским народом – и планы уничтожения армянского населения младотурки начали разрабатывать еще до начала мировой войны.

В решениях съезда партии «Единение и прогресс», состоявшегося в октябре 1911 г. в Салониках, содержалось требование отуречивания нетурецких народов империи. В начале 1914 г. местным властям было направлено специальное предписание относительно мер,

⁷⁴ *Сартр Ж. П.* О геноциде // Материалы Расселовского трибунала по военным преступлениям (1968 г.). М., 1990. С. 14.

которые должны были быть предприняты в отношении армян. Тот факт, что предписание было разослано до начала войны, свидетельствует о том, что физическое уничтожение армянского населения было запланированной акцией, вовсе не обусловленной конкретной военной ситуацией.

Задумывая уничтожение армянского населения, правящие круги Турции намеревались достичь нескольких целей – и главной из них была ликвидация так называемого «армянского вопроса». Турки избавлялись от экономической конкуренции, в их руки перешло бы все достояние армянского народа. С другой стороны, устранение армян как национальности помогло бы проложить путь к захвату Кавказа, к достижению «великого идеала туранизма».⁷⁵

В первые дни войны в Турции развернулась антиармянская пропаганда. В феврале 1915 г. военный министр Энвер отдал приказ об уничтожении армян, служащих в турецкой армии. Этот приказ был выполнен с беспримерной жестокостью.

С мая – июня 1915 г. началась массовая депортация и резня армянского населения турецких провинций (Западной Армении, Киликии, Западной Анатолии и др.). Осуществлявшаяся депортация армянского населения на деле преследовала цель его уничтожения. Посол США в Турции Г. Моргентхау отмечал: «Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это действительно является новым методом резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целой нации».

Такая же оценка депортации содержалась в сообщениях германских консулов из вилайетов (провинций) Турции. В июле 1915 г. германский вице-консул в Самсуне сообщал, что проводимая в вилайетах Анатолии депортация имеет целью или уничтожить, или же обратить в ислам весь армянский народ. Примечательно, что в этом послании *de facto* признавалось намерение турецких властей не только физически истребить армянское население, но и уничтожить его культуру посредством принудительного обращения в иную религию.

Очевидцы событий оставили многочисленные описания страданий, выпавших на долю армянского населения. Корреспондент английской газеты «Таймс» сообщал в сентябре 1915 г.: «Из Сасуна и Трапезунда, из Орду и Айнтаба, из Мараша и Эрзрума поступают одни и те же сообщения о зверствах: о мужчинах, безжалостно расстрелянных, распятых, изувеченных или уведенных в трудовые батальоны, о детях, похищенных и насильно обращенных в магометанскую веру, о женщинах, изнасилованных и проданных в рабство в глубокий тыл, расстрелянных на месте или высланных вместе с детьми в пустыню на запад от Мосула, где нет ни пищи, ни воды... Многие из этих несчастных жертв не дошли до места назначения... и их трупы точно указывали путь, по которому они следовали».⁷⁶

В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в 1915–1918 гг., погибло 1,5 миллиона человек. Около 600 тысяч армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образовав новые армянские общины.⁷⁷

Не вызывает сомнений, что осуществленный в Турции геноцид нанес громадный ущерб духовной и материальной культуре армянского народа. Турецкие историки и политики, не признавая факта геноцида, связывают процесс депортации армян во время Первой мировой войны с их стремлением освободиться от турецкого господства с помощью западных держав и России. Но это в корне неверно. Обращение армян к Великим державам (а к ним обращались и болгары, и румыны, и сербы) стало лишь поводом для осуществления геноцида.

⁷⁵ См.: Новейшая история Востока. М., 1988. С. 244.

⁷⁶ Геноцид армян 1915–1916 гг. // Армянский вопрос. Ереван, 1991. С. 13.

⁷⁷ Там же. С. 18.

Для нас сейчас особенно важным представляется тот факт, что подобные действия турецких властей и турецкой армии впервые в мировой истории были названы преступлением против человечества – и это произошло в совместной Декларации стран-союзниц (Англии, Франции и России) от 24 мая 1915 г.

Показательно, что, только появившись в юридической науке, термин «геноцид» сразу, уже после Первой мировой войны, вошел в юридическую практику. Так, турецкий Военный трибунал 22 апреля 1919 г. (уже после поражения Турции в войне) обвинил руководителей младотурецкого правительства именно в *геноциде* армян, отметив в своем приговоре, что «решение об истреблении армян было принято в ЦК партии Иттихад (правящая партия младотурок. – *Авт.*), а депортация и резня являлись чем-то вроде “чистки”, ибо они должны были радикально решить армянский вопрос».⁷⁸

Официальное признание армянских погромов в качестве первого в истории факта, получившего юридическую оценку именно как геноцид в отношении целой нации, подтверждено в Заявлении Государственной Думы Российской Федерации от 14 апреля 1995 г. «Об осуждении геноцида армянского народа 1915–1922 гг.»⁷⁹. В этом документе отмечается, что «по инициативе России европейские великие державы еще в 1915 г. квалифицировали действия Турецкой империи в отношении армянского народа как “преступление против человечества, не обусловленное военной необходимостью, основным проявлением которого стало физическое уничтожение армянского народа”».

Однако геноцид не был юридически закреплён как преступление против мира и безопасности человечества, несмотря на столь чудовищные проявления национально-религиозной ненависти в отношении армянского населения во время Первой мировой войны. Понадобилась еще одна мировая война для того, чтобы мир не просто осознал ужас и бесчеловечность подобного деяния, но и было выработано понимание его преступности и наказуемости как одного из тягчайших преступлений.

Практика уничтожения групп людей в зависимости от их расовой, национальной и религиозной принадлежности получила теоретическое обоснование и была возведена в ранг государственной политики в нацистской Германии.

Идеологическое обоснование расового геноцида содержалось в программной книге третьего рейха – «Mein Kampf» («Моя борьба»). Основной темой книги была расовая доктрина Гитлера: «Немцы должны осознавать превосходство арийской расы и хранить расовую чистоту. Их долг – увеличить численность нации, с тем чтобы исполнить свое предназначение – достичь мирового господства».⁸⁰ Национальность и раса, продолжал Гитлер, заключена в крови, а не в языке. Смешение крови в германском государстве можно остановить, лишь удалив из него все неполноценное.

Первейшая обязанность государства, с точки зрения идеологии нацизма, – сохранять и поддерживать свои расовые основы. Гитлер сформулировал семь пунктов «обязанностей государства», среди которых в плоскости интересующей нас проблемы надо отметить следующие:

1. Понятие «раса» необходимо поставить в центре внимания.
2. Необходимо сохранять расовую чистоту.
3. В качестве первоочередной задачи ввести практику контроля за рождаемостью.

Гитлер постоянно проповедовал идеологию расового национализма: он писал, что арийская, или индоевропейская, раса, и прежде всего – германская (тевтонская), является именно тем «избранным народом», от которого зависит само существование человека на

⁷⁸ Ованесян В. Геноцид – преступление против человечества // Независимая газета. 2000, 2 сент.

⁷⁹ Российская газета. 1995, 17 апр.

⁸⁰ Гитлер А. Mein Kampf. Рига, 1990. С. 24.

планете. «Все, чем мы восхищаемся на этой земле, будь то достижения в области науки или техники, – творение рук немногих наций и, вероятно, скорее всего, одной единственной расы. Все достижения нашей Kultur есть заслуга этой нации».⁸¹

Однако вместо того чтобы сохранять свою кровь в чистоте, арийская раса стала смешиваться с низшими расами, до тех пор пока не начала перенимать духовные и физические качества последних. По мнению Гитлера, в основном евреи были «паразитами на теле других народов», создавая государство в государстве и не желая уходить. Именно «разбавлением» германской крови Гитлер объяснял поражение Германии в Первой мировой войне. В «Майн кампф» он писал: «Если бы накануне 1-й мировой войны были отравлены газом 12 или 15 тысяч иудеев – врагов народа... тогда не потребовались бы миллионные жертвы на фронте».⁸²

Расовые представления Гитлера нашли воплощение в Нюрнбергских законах о гражданстве и расе, принятых в 1935 г., которые предоставляли гражданство «всем носителям германской или схожей крови» и лишали его каждого, кто считался представителем еврейской расы. Благодаря этим законам расизм получил юридическое обоснование в третьем рейхе и со временем воплотился в «окончательном решении еврейского вопроса» – физическом уничтожении еврейского населения Европы.⁸³

При поддержке Гитлера в Германии получила широкое распространение программа расовых исследований – «рассенфоршунг». Результаты «работ» нацистских ученых стали обязательными к изучению во всех учебных заведениях третьего рейха, от начальных классов до университетов. Утверждалось и со школьной скамьи «разъяснялось», что разложение любой нации всегда является результатом расового смешения: судьба нации зависит от ее способности сохранять свою расовую чистоту.

В конечном итоге государственная национальная политика нацистской Германии вылилась в осуществление «Холокоста» (Holocaust) – т. е. физического уничтожения еврейского населения Европы.

В принятой задолго до прихода нацистов к власти программе НСДАП («25 пунктов») пункты 4 и 5 декларировали полное изгнание евреев из общественной и культурной жизни Германии.

Гонения на евреев начались почти сразу же после прихода нацистов к власти. Под предлогом ответных мер на развязанную за рубежом антигитлеровскую кампанию, якобы инспирированную евреями, по Германии прокатилась широкая волна антисемитизма: в считанные недели (Декретом от 7 апреля 1933 г.) из всех местных органов управления, государственных учреждений, из судов и университетов были изгнаны представители еврейской национальности. Врачам-евреям было запрещено вести частную практику и работать в больницах. «Чистке» подверглась культурная жизнь страны: евреям запрещалось работать в кинопроизводстве, средствах массовой информации, запрет на профессию получали художники и музыканты. Евреи были лишены права заниматься торговлей и производством. Огромные масштабы приобрел бытовой антисемитизм. Полиция не прикладывала ни малейших усилий, чтобы защитить евреев от нападений на улицах. К концу 1933 г. Германию были вынуждены покинуть свыше 63 тысяч евреев.⁸⁴

Вторая волна антисемитизма поднялась после принятия в сентябре 1935 Нюрнбергских законов о гражданстве и расе, в соответствии с которыми евреи лишались германского гражданства, избирательных прав, им запрещалось вступать в брак с немцами и т. д.

⁸¹ Там же. С. 87.

⁸² Там же. С. 21–22.

⁸³ Вторая мировая война в цифрах и фактах. М., 1985. С. 37.

⁸⁴ Там же. С. 39.

23 июля 1938 г. вышел указ, по которому каждый еврей был обязан зарегистрироваться в полиции и получить специальное удостоверение с отметкой «J» («еврей») и предъявлять его по первому требованию властей. Распоряжение от 17 августа 1938 г. обязывало мужчин еврейской национальности добавлять имя Израэль, а женщин – Сара к своему настоящему имени.⁸⁵

С 5 октября 1938 г. стала обязательной отметка «еврей» в заграничных паспортах, что вызвало волну возмущения во всем мире.

Своего апогея антиеврейская кампания достигла в ноябре 1938 г., когда в ответ на убийство в Париже польским евреем Гершелем Грюншпаном германского посла Эрнста фон Рата по всей Германии прокатилась волна организованных еврейских погромов («Хрустальная ночь»). Было убито 36 человек, около 20 тысяч евреев арестованы, разрушены и сожжены 267 синагог и сотни магазинов. Герман Геринг заявил об «окончательном расчете с евреями».

30 января 1939 г., в шестую годовщину прихода к власти, Гитлер выступил в рейхстаге с первой публичной угрозой физического истребления евреев: «Если при международной финансовой поддержке евреям в Европе и за ее пределами снова удастся ввергнуть народы в новую мировую войну, то результатом этого будет не установление большевистского мирового правления и еврейского триумфа, а уничтожение евреев в Европе».⁸⁶

Маховик гитлеровских планов физического истребления евреев начал раскручиваться в полную силу с первых дней Второй мировой войны. В мае 1940 г. на территории оккупированной Польши был создан концлагерь Аушвиц, превратившийся вскоре в огромную фабрику по уничтожению людей. Комендант лагеря Хёсс в мае 1941 г. получил приказ лично от Гиммлера оборудовать лагерь газовыми камерами. 31 июля 1941 г. Геринг направил руководителю СД Гейдриху следующее распоряжение: «Настоящим приказываю вам провести все необходимые организационные, финансовые и военные приготовления для полного решения еврейского вопроса в зоне германского влияния в Европе».

На состоявшемся 20 января 1942 г. Ванзееском совещании был утвержден план так называемого «Окончательного решения», ответственность за исполнение которого возлагалась на Адольфа Эйхмана. Гейдрих подвел итог совещанию: «Европа будет прочесана с запада на восток... Несомненно, огромное число евреев исчезнет за счет естественной убыли. С остальными, которым удастся выжить, следует обращаться соответствующим образом, потому что... они могут стать зародышем нового еврейского развития. Не забывайте опыт истории».⁸⁷

Гестапо и СД тут же принялись за работу, постоянно наращивая темпы отправки миллионов евреев в лагеря смерти. То, что на страницах «Майн кампф» выглядело как политическая пропаганда, отныне стало реальным, тщательно организованным процессом массового уничтожения людей, эпицентром которого были лагеря Аушвиц, Майданек, Трешлинка, Бельзен и Собибор.

Помимо лагерей смерти насчитывалось свыше 400 перевалочных и транзитных лагерных центров, осуществлявших отправку рабочей силы на запад. Но Аушвиц оставался главным центром Холокоста. В период наивысшей активности он вмещал до 100 тысяч человек, а через его газовые камеры ежедневно проходило до 12 тысяч узников.

На Нюрнбергском процессе Р. Хёсс говорил: «В помещениях для уничтожения мы использовали “циклон Б”, кристаллизованную синильную кислоту, которую засыпали через специальное небольшое отверстие. Требовалось от 3 до 15 минут, чтобы умертвить людей в камере, в зависимости от климатических условий. Мы узнавали о том, что люди мертвы,

⁸⁵ Neier A. War Crimes: Brutality, Genocide, Terror and the Struggle for Justice. London, 1974. P. 62–66.

⁸⁶ Ibid. P. 67–68.

⁸⁷ Цит. по: Вторая мировая война в цифрах и фактах. М., 1985. С. 62.

когда прекращались их крики. Обычно мы ждали полчаса, прежде чем открыть двери, и вытаскивали тела. После этого специальная команда («Зондеркоммандос», состояла из числа заключенных. – *Авт.*) изымала кольца и золотые зубы из трупов».⁸⁸

Холокост явился самым чудовищным проявлением варварства за все время существования цивилизации. Попытки историков, психологов, социологов и психиатров найти рациональное объяснение этому трагическому историческому феномену до сих пор не увенчались успехом.

Уже после окончания Второй мировой войны геноцид был официально квалифицирован как тягчайшее преступление против человечества.

В основу правовых документов о геноциде легли основные принципы, разработанные Международным военным трибуналом в Нюрнберге, судившим главных военных преступников гитлеровской Германии.

Судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников состоялся в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Для расследования и поддержания обвинения был образован Комитет из главных обвинителей: от Великобритании – Х. Шоукросс, от СССР – Р. А. Руденко, от США – Р. Х. Джексон, от Франции – Ф. де Ментон, а затем Ш. де Риб. Суду были преданы высшие государственные и военные деятели третьего рейха.

Всем им было предъявлено обвинение в составлении и осуществлении заговора против мира и человечности, а именно: убийство военнопленных и жестокое обращение с ними, убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним, разграбление общественной и частной собственности, установление системы рабского труда и др. Был также поставлен вопрос о признании преступными таких организаций, как руководящий состав НСДАП, штурмовые (СА) и охранные отряды нацистской партии (СС), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), правительственный кабинет и генштаб.

В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, была допрошена масса свидетелей, рассмотрены многочисленные письменные показания и документальные доказательства (в основном официальные документы германских министерств и ведомств, генштаба, военных концернов и банков).

На Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. геноцид в качестве преступного деяния был описан как «преднамеренное и систематическое истребление расовых или национальных групп гражданского населения на определенных оккупированных территориях с целью уничтожить определенные расы и слои наций и народностей, расовых и религиозных групп...» (п. «с» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала).

Таким образом, в послевоенном международном праве было выработано понимание того, что, в отличие от войны, где организованные вооруженные солдаты сражаются друг с другом, геноцид – это одностороннее массовое убийство, в котором государство или другая преобладающая сила намеренно уничтожает значительную часть национального, этнического или религиозного сообщества или группу, в то время как принадлежность к ней иногда произвольно определяется самим исполнителем.

Однако в науке уже в 40–60-х гг. понимание геноцида как преступления было существенно расширено. Примечательно, что отечественные юристы ввели в оборот термин «национально-культурный» геноцид, применяемый к тем случаям, когда отсутствует намерение уничтожить целую группу, но исчезновение этой группы как общности, отличающейся своим культурным своеобразием, с точки зрения агрессора, было бы желательным и полезным. В этих случаях не происходит физического истребления этнической группы, но

⁸⁸ Там же. С. 344.

различными способами уничтожается исторически сложившаяся культура того или иного народа, расовой или религиозной группы людей.⁸⁹

Многие авторы отмечают, что, по существу, именно с определения преступности геноцида и наказуемости этого деяния в международно-правовых актах начался процесс формирования международного уголовного права как юридического феномена мировой культуры.⁹⁰

На 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята и открыта для подписания *Конвенция о геноциде*. Именно в этом международно-правовом документе, вступившем в силу в 1951 г., «геноцид» как состав преступления был определен как «любое из следующих действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

1. Убийство членов такой группы;
2. Причинение серьезных телесных повреждений или психических расстройств членам этой группы;
3. Умышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
4. Осуществление мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе;
5. Насильственная передача детей из одной группы в другую» (ст. II).

В соответствии со ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., геноцид относится к перечню преступлений, к которым никакие сроки давности не применяются. Так, например, совсем недавно в Хорватии судили Д. Шакича, одного из командиров «усташей» (профашистски настроенных националистов-партизан), коменданта концлагеря Ясеновац, виновника зверских расправ над сербами, цыганами и евреями во время Второй мировой войны. Количество погибших узников Ясеноваца исчисляется сотнями тысяч.⁹¹

К большому сожалению, и послевоенная история знает устрашающие примеры актов геноцида. В то же время практически отсутствовала юридическая оценка действий виновных – как государственных деятелей, отдававших приказы об осуществлении актов геноцида, так и исполнителей последних.

Так, Нюрнбергский трибунал был еще у всех на памяти, когда французские колониальные войска убили 45 тысяч алжирцев. Это выглядело настолько рядовым случаем, что ни у кого – ни у правительств отдельных государств, ни у мирового сообщества в целом – не возникло даже мысли судить правительство Франции так же, как судили нацистов. Как это ни цинично звучит, но в свое время на Расселовском трибунале по военным преступлениям Ж. П. Сартр указал, что «французы проиграли войну в Алжире потому, что они не могли ликвидировать алжирское население, и потому, что они не интегрировали эту страну».⁹²

Это рассуждение помогает нам понять и осознать тот факт, что акты геноцида стали в новейшей истории чуть ли не обязательными проявлениями войн и вооруженных конфликтов – войн метрополий с зависимыми государствами или колониями, либо просто при вооруженном вмешательстве одних государств в дела других. Недаром в свое время политика Соединенных Штатов во Вьетнаме зачастую осуждалась (и не только советской пропагандой) как чистой воды ведение геноцида против вьетнамского народа. Приведем еще несколько цитат из речи Ж. П. Сартра: «Стала расхожей фраза “Хороший вьетнамец – это

⁸⁹ См.: *Трайнин А. Н.* Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 408.

⁹⁰ См., напр.: *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М., 1979. С. 31–54.

⁹¹ *Антонов А.* По ту сторону законов // *Экспресс-хроника*. 1999. 20 дек.

⁹² *Сартр Ж. П.* Указ. соч. С. 15–16.

мертвый вьетнамец”... Американские вооруженные силы пытаются и убивают во Вьетнаме мужчин, женщин и детей, потому что они вьетнамцы. И как бы ни лгало и ни изворачивалось правительство, дух геноцида проявляет себя в умах солдат. И таким образом они усугубляют ситуацию геноцида, в которую поставило их собственное правительство...»⁹³

Вряд ли можно сказать красноречивее и вернее.

Справедливости ради надо отметить, что многие зарубежные авторы геноцидом называли и факты убийств советскими войсками мирного населения во время военных действий в Афганистане в 1979–1989 гг.⁹⁴ Такое категоричное заявление, по нашему мнению, не находит подтверждения, по крайней мере в опубликованных официальных документах⁹⁵, хотя факты насилия советских войск в отношении мирного афганского населения отрицать, по всей видимости, нельзя.

В любом случае, приходится признать, что геноцид в новейшей истории стал инструментом внешней политики во время вооруженных конфликтов – при этом неважно, какое государство имело преимущества и к какой политической группировке оно принадлежало. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на прямую запрещенность этого чудовищного деяния в международном праве, акты геноцида стали (будучи безусловно осуждаемыми) довольно привычными проявлениями государственной политики.

Сказанное подтверждает не только социально-историческую обусловленность установления самой строгой ответственности за осуществление геноцида, но и необходимость ее практической реализации.

К сожалению, в мировой юридической практике после Второй мировой войны обвинение в осуществлении геноцида как преступления против мира и безопасности человечества официально выдвигалось только дважды – при расследовании военных преступлений, совершенных во время войн в бывшей Югославии и в Руанде.

Для нас важно отметить, что, с формально-юридической точки зрения, международно-правовые акты, установившие преступность геноцида, по существу, способствовали универсализации как понимания этого деяния, так и формулирования его юридически значимых признаков.

Остановимся еще на одном вопросе, принципиально важном для понимания уголовной ответственности за геноцид. Казалось бы, геноцид как преступление против мира и безопасности человечества может быть совершен лишь в военное время либо в боевой обстановке. Такая позиция высказана и в новейшей литературе, где геноцид нередко называется преступлением, посягающим «на регламентированные международным правом средства и методы ведения войны».

Однако анализ международно-правовых и иных нормативных актов позволяет говорить о том, что именно как геноцид рассматриваются акты уничтожения и действия, направленные на уничтожение тех или иных групп населения по расовым, национальным либо религиозным признакам, совершенные и в мирное время во внутригосударственной политике той или иной страны.

О юридической оценке таких деяний, совершенных в мирное время, как геноцида говорит ст. I Конвенции о геноциде.

Но более наглядно это подтверждает российское законодательство. История нашей страны в советское время знает многочисленные примеры репрессирования целых народов и национальностей под тем или иным предлогом. Важен тот факт, что подобные деяния расценены как геноцид. Так, ст. 2 российского Закона от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации

⁹³ Там же. С. 17–19.

⁹⁴ *Heckle L.* Wars in Afghanistan: A Tragedy of Afghan People. London; Boston, 1984. P. 147–149.

⁹⁵ См., напр.: Секретные документы из особых папок: Афганистан // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 3–34.

репрессированных народов»⁹⁶ указывает, что «репрессированными признаются народы... в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика... геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения».

Таким образом, действующее законодательство дает однозначный ответ, что акт геноцида расценивается как преступление вне зависимости от того, совершен он в военное или в мирное время, во внешнеполитической или внутригосударственной деятельности.

Вторым преступлением в системе преступлений против мира и безопасности человечества является экоцид.

Экоцид как преступление против безопасности человечества связан с необратимыми негативными последствиями для окружающей среды и угрозой самому существованию человека.

Согласно мнению В. Н. Кудрявцева, вопрос об экоциде как самостоятельном виде международного преступления практически возник во время войны во Вьетнаме. «Диким варварством было уничтожение гербицидами и химическими веществами всего живого в ряде местностей Вьетнама. Экоцид как преступление имеет своим истоком агрессивную войну. Он как бы вырос из нее. Его опасность заключается еще и в том, что нарушение экологического равновесия в каком-либо одном районе пагубно сказывается и на других, часто далеко лежащих местностях».⁹⁷ Особое место в теоретической разработке понятия экоцида как международного преступления, способов его совершения в условиях агрессивной войны принадлежит вьетнамским юристам.⁹⁸

Вопрос о загрязнении окружающей человека среды – фактически вопрос о здоровье настоящего и будущего поколений, о жизни на земле – стал ныне ключевым для человечества. В условиях научно-технического прогресса, когда накоплено невероятное количество химических и иных веществ, могущих убить все живое вокруг, экоцид стал опаснейшим преступлением против безопасности человечества.

⁹⁶ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

⁹⁷ Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. С. 131.

⁹⁸ *Фан Ван Бат, Фом Тхань Винь, Нгуен Ван Хыонг.* Война во Вьетнаме и международно-правовая ответственность американских агрессоров // Советское государство и право. 1972. № 1.

§ 2. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества

2.1. Объективные признаки геноцида

В Конвенции о геноциде и в ст. 357 УК РФ прямо указывается, что *потерпевшими* от этого преступления могут быть представители (члены) национальной, расовой, этнической или религиозной группы.

Исходя из высочайшей степени общественной опасности рассматриваемого преступления, нам представляется, что потерпевшими от геноцида необходимо признавать всех представителей демографической группы, вне зависимости от того, скольким лицам причинен физический или имущественный вред – ведь вред нематериальный причиняется всем членам демографической группы. В первую очередь этот вред выражается в нарушении неотъемлемых прав представителя расы, этноса, национальности или религиозной конфессии. Действительно, исходя из положений Международного Стандарта в области защиты прав и свобод человека, противоправно не только реальное ущемление таких прав, но и стремление к их ограничению любым образом и способом.

Показательно, что по смыслу ст. 1–3 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., потерпевшим от геноцида советских времен также юридически признается каждый представитель репрессированной национальной, этнической или иной группы, чьи права были реально ущемлены.

Попробуем определиться с юридическим пониманием таких демографических терминов, как расовая, этническая, национальная и религиозная группы.

Расовая группа (от итальянского «razza» – «род, порода, племя») – это исторически сложившаяся группа людей, имеющих сходные анатомические и физиологические признаки, передаваемые по наследству (например, цвет кожи, форма носа и губ, рост, пропорции тела, а также такие «скрытые» физиологические признаки, как группа крови, резус-фактор и др.).⁹⁹

Таким образом, в основе расовой принадлежности человека лежат его наследственные биологические характеристики. В науке принято выделять четыре большие расы – европеоидную, монголоидную, негроидную и австралоидную; а также переходные и смешанные расовые типы (мулаты, метисы и пр.).

Этническая группа (от греческого «ethnos» – «группа, племя, народ») – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, имеющая в основе не биологические, а социальные признаки – общность территории и языка. В процессе исторической эволюции внутри этноса складывается общая материальная и духовная культура, групповые психологические характеристики и общее этническое самосознание («этнический менталитет»)¹⁰⁰. Если раса является стабильной биологической характеристикой вида людей, то человеческий этнос – это «форма их общежития, способ их совместной жизни» и, по мнению ведущих этнологов, социо-географическая характеристика людей.¹⁰¹ Человеческая раса может состоять из многих этносов (например, европеоидная раса включает западноевропейский, восточноевропейский, средиземноморский, индоарийский и прочие этнотипы); а в один и тот же этнос могут входить представители различных рас (яркий пример чему – северо-

⁹⁹ Нестух М. Ф. Человеческие расы. М., 1965. С. 11–13.

¹⁰⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 17–20.

¹⁰¹ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 13, 17.

американский этнотип, в который наряду с представителями европеоидной расы включены негроиды и переходные типы).¹⁰²

Национальная группа (от латинского «natio» – «племя, народ») – это, с точки зрения демографии, тип этноса либо совокупность этносов, представляющие собой историческую общность людей, сложившуюся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, культуры и характера, национального самосознания. В отечественной науке традиционно считается, что в основе формирования нации как общности людей лежат социально-экономические и социально-политические признаки (общность экономики, государственного устройства и т. п.).¹⁰³

При этом национальность обычно состоит из совокупности нескольких этносов (например, русские как национальность состоят из таких этнических групп, как великороссы, поморы, поволжцы, казаки, сибиряки и пр.; немцы – национальность, состоящая из баварцев, вестфальцев, саксонцев, померанцев, тюрингов, швабов, саарцев и пр.; среди французов принято выделять лотарингов, провансальцев, гасконцев, шампанцев, гийенцев, нормандцев, бретонцев и т. д.).¹⁰⁴ Однако в науке подчеркивается, что в принципе отсутствует четкое и закономерное соотношение между национальностью и этнической принадлежностью (например, С. И. Брук отмечает, что этнические лотарингцы включаются в зависимости от места проживания в состав таких национальностей, как французы, немцы или люксембуржцы;¹⁰⁵ общеизвестным является тот факт, что казачество как этническая группа состоит не только из русских, но и из украинцев, белорусов и представителей иных национальностей). В любом случае, национальность – социальная характеристика, носящая скорее «официальный» характер.

Религиозная группа – общность людей, исповедующих ту или иную религию. При этом не имеет значения, носит ли религия мировой характер (христианство, ислам, буддизм) или имеет локальное значение (например, синтоизм). Общеизвестны ситуации, когда представители одной национальности или этноса были разделены по религиозному признаку, что приводило к кровавым конфликтам. Таковы, например, религиозные войны во Франции середины XVI – начала XVII в., которые велись между центрально- и северофранцузскими этносами, сохранившими верность католичеству, и некоторыми южнофранцузскими этносами, впадшими в протестантство.¹⁰⁶

В ст. 357 УК РФ содержится исчерпывающий перечень демографических групп населения, стремление к уничтожению которых образует объективные признаки геноцида. В этом отношении российский уголовный закон буквально соответствует ст. II Конвенции о геноциде. В то же время в публицистической литературе нередко встречаются определения «чисток» иных демографических групп именно как геноцида.

Так, например, весьма расхожим является суждение, что крестьянская коллективизация 30-х гг. в СССР также была проявлением сталинского геноцида.¹⁰⁷ Однако, несмотря на ее ужасающие проявления и последствия (раскулачивание, физическое уничтожение земельных собственников и пр.), она объективно была направлена на ликвидацию социально-экономической группы российского населения (крестьян-собственников), которая не подпадает под определение тех демографических групп, уничтожение которых образует состав геноцида.

¹⁰² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 36–38.

¹⁰³ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 282.

¹⁰⁴ См.: Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

¹⁰⁵ Там же. С. 166.

¹⁰⁶ История средних веков. Т. 2 / Отв. ред. Л. М. Брагина, Ю. М. Сапрыкин. М., 1991. С. 112–114.

¹⁰⁷ Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества. М., 1992. С. 280–288.

Да, в некоторых странах (например, ст. 211–1 УК Франции) перечень демографических групп населения, которые являются потерпевшими при геноциде, не ограничен. По-иному обстоит дело в отечественном УК. На основании этого можно сделать формально-юридический вывод о том, что принадлежность к иным, не указанным в ст. 357 УК РФ, демографическим группам населения (сословным, классовым, профессиональным и пр.) в отечественном уголовном праве не может являться признаком, характеризующим потерпевшего от данного преступления.

В диспозиции ст. 357 УК РФ объективная сторона преступления определена как «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Указанные действия носят альтернативный характер и могут совершаться путем:

- 1) убийства членов демографической группы;
- 2) причинения тяжкого вреда членам такой группы;
- 3) насильственного воспрепятствования деторождению членов такой группы;
- 4) принудительной передачи детей в другую демографическую группу;
- 5) насильственного переселения членов такой группы;
- 6) иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Таким образом, уголовный закон называет шесть деяний, образующих объективную сторону геноцида. При этом очевидно, что перечень таких деяний не является исчерпывающим, так как «иное» создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение той или иной демографической группы, не определено ни в законе, ни в Конвенции о геноциде.

Сразу оговоримся, что в теории уголовного права геноцид трактовался тройко: как физический (уничтожение людей), биологический (предотвращение появления детей на свет) и национально-культурный (уничтожение традиционной этнической культуры).¹⁰⁸

При этом Ю. В. Николаевой вполне справедливо было указано, что по своему существу «физический» геноцид и «биологический» геноцид – синонимичные понятия.¹⁰⁹ ведь в обоих случаях виновный преследует цель любыми из указанных действий устранить ту или иную демографическую группу людей как таковую, а «физическое» ее устранение совпадает по содержанию с «биологическим».

Анализ положений ст. 357 УК РФ и международно-правовых актов (Конвенции о геноциде, ст. 6 Римского Статута) позволяет говорить о том, что квалификации по указанной норме уголовного закона подлежат только те действия, которые преследуют цель физического (биологического) уничтожения демографической группы. Следовательно, действующее законодательство не дает оснований квалифицировать уничтожение культурного достоинства той или иной нации, этноса, расы или религиозной группы по ст. 357 УК РФ. Содеянное подобного рода при наличии достаточных оснований может быть квалифицировано по ст. 243 либо ст. 356 УК РФ.

Необходимо отметить, что факт полного или частичного уничтожения демографической группы как следствие, к которому стремится виновный, не влияет на юридическую оценку геноцида. Так, в решениях Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде подчеркнуто, что для вменения геноцида не требуется устанавливать «точное число

¹⁰⁸ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 408.

¹⁰⁹ Николаева Ю. В. Преступления против мира и безопасности человечества. М., 1999. С. 29.

жертв» либо «реального уничтожения» демографической группы – достаточно установить совершение с этой целью любого «акта, образующего объективную сторону (*actus reus*)». ¹¹⁰

В то же время по какой-то неясной причине геноцид в ряде работ был признан оконченным преступлением только с момента наступления указанных в ст. 357 УК РФ последствий, т. е. преступлением с исключительно материальным составом, что прямо противоречит и УК РФ, и международному праву. ¹¹¹

В то же время в качестве характеристики действий, образующих геноцид, закон называет убийство и причинение тяжкого вреда здоровью представителям демографической группы, а эти деяния сами по себе являются самостоятельными преступлениями (ст. 105, 111 УК РФ), причем оба – с материальным составом.

Поэтому вопрос о характеристике состава геноцида с точки зрения конструкции объективной стороны представляется проблематичным. Для его юридически верного разрешения необходимо рассмотреть каждое из проявлений объективной стороны геноцида.

Убийство. Деяние, результатом которого явилась смерть другого человека, обычно не оказывает влияния на квалификацию, если само по себе не является квалифицирующим обстоятельством. Кроме того, в ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрены тринадцать обстоятельств, отягчающих ответственность за совершение убийства.

В диспозиции ст. 357 УК РФ говорится об убийстве членов демографической группы как таковым. Под «убийством» надо понимать любое умышленное причинение смерти, подпадающее под признаки ст. 105 УК РФ. То есть совершение квалифицированного убийства при осуществлении акта геноцида на квалификацию содеянного по ст. 357 УК РФ не повлияет. Этот вывод можно сделать, опираясь на сопоставительный анализ санкций, предусмотренных за совершение квалифицированного убийства и геноцида, – обе они предусматривают лишение свободы на срок до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы или смертную казнь. Тем более это верно, так как нижняя граница лишения свободы за квалифицированное убийство определена в восемь лет, а за геноцид – в двенадцать.

Необходимо отметить следующее. Уголовный закон при характеристике объективных признаков геноцида оперирует термином «убийство» во множественном числе («убийства членов...»). Казалось бы, такой «способ» осуществления геноцида имеет место минимум при двукратном причинении смерти представителям демографической группы (при установлении соответствующих признаков субъективной стороны).

Возникает вопрос – а если реально смерть или тяжкий вред здоровью причинен только одному представителю расовой, этнической, национальной или религиозной группы, но виновный преследовал цель уничтожения такой группы – можно ли квалифицировать содеянное как геноцид?

И если само по себе количество погибших при осуществлении актов геноцида юридически не может повлиять на квалификацию содеянного по ст. 357 УК РФ – то абсолютно неясно, в чем состоит обоснованность установления «нижнего предела» количества жертв такого проявления геноцида, как убийство членов демографической группы.

Представляется, что характер и степень общественной опасности геноцида настолько велики, что юридически не должно существовать никакой «нижней границы» числу жертв геноцида. Тем более, что при осуществлении иных (формальных) проявлений геноцида вообще неважно, причинены кому-либо смерть либо тяжкий вред здоровью. Именно по этим причинам мы предлагаем внести соответствующее изменение в текст ст. 357 УК РФ, кото-

¹¹⁰ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 497; *Prosecutor v. G. Jelisic*. Case № IT-95-10. 14 December 1999. §§ 62, 65.

¹¹¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 569.

рое позволило бы избежать возможных юридических коллизий и споров при определении «минимально допустимого» количества жертв геноцида.

Еще одно соображение в пользу сказанного. Если убийство одного человека по мотиву расовой, национальной или религиозной ненависти или неприязни квалифицируется по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в принципе, может повлечь наказание в виде смертной казни, – то почему единичное убийство, совершенное в целях геноцида, не может быть квалифицировано как оконченное преступление по ст. 357 УК РФ со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Сказанное подтверждается решениями международных трибуналов, в которых убийством называется любое причинение смерти *представителю* демографической группы, причем под такое убийство подпадают ситуации, когда смерть стала последствием совершения иных действий, рассчитанных на уничтожение такой группы.¹¹²

С другой стороны, само по себе количество убитых на формальную квалификацию геноцида не влияет, но должно учитываться при назначении наказания как обстоятельство, отягчающее последнее по признаку наступления тяжких последствий (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Причинение тяжкого вреда здоровью представителям демографической группы имеет место при причинении здоровью в результате действий виновного любого из последствий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ.

В соответствии с действующими правилами судебно-медицинского определения тяжести причиненного вреда здоровью,¹¹³ можно говорить о следующей классификации разновидностей тяжкого вреда здоровью:

а) тяжкий вред, связанный с нарушением анатомической целостности организма под воздействием внешних факторов, являющийся опасным для жизни в момент причинения – он создает угрозу жизни непосредственно в момент причинения, при неоказании помощи может влечь смерть потерпевшего (например, пневмоторакс, повреждения костей черепа, позвоночника, нарушение целостности брюшной полости и пр.). Необходимо отметить, что такой вред может быть также причиной указанных в диспозиции ст. 111 УК РФ последствий – но наступление этих последствий не обязательно, так как главным основанием для вменения именно этой разновидности вреда является установление опасности последнего для жизни и здоровья в момент причинения;

б) вред, связанный с нарушением анатомической целостности организма или его физиологического функционирования под влиянием внешних факторов, являющийся тяжким по последствиям (утрата органа, зрения, слуха, утрата органом его функций, травматическая ампутация конечности, прерывание беременности вне зависимости от ее срока; утрата общей трудоспособности более чем на 1/3 либо утрата профессиональной трудоспособности); неизгладимое обезображивание лица;

в) тяжкий по последствиям вред, не связанный с нарушением анатомической целостности организма: заболевание наркоманией, токсикоманией, душевной болезнью – вызванные действиями виновного.

Как и убийство, причинение тяжкого вреда здоровью представителям демографической группы, совершенное с указанной в ст. 357 УК РФ целью, является само по себе последствием. Отметим, что в отличие от положений Конвенции о геноциде, считающей проявлением этого преступления «причинение тяжких телесных повреждений» представителям демографической группы, в российском законе используется термин «причинение тяжкого

¹¹² *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. § 501; *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. §§ 101–104; *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ICTR-96-13-T. 27 January. 2000. § 155.

¹¹³ Определены в Приложении № 2 к Приказу № 407 Министерства здравоохранения РФ от 10 декабря 1996 г.

вреда здоровью», разновидностью которого является тяжкий анатомический вред. На наш взгляд, такое предписание отечественного законодательства является более удачным и охватывающим большее количество юридически значимых проявлений геноцида.

Примечательно, что в решениях международных трибуналов как причинение тяжкого вреда здоровью представителям демографических групп расценен «серьезный ментальный ущерб» («serious mental harm»).

Так, например, в качестве такого «ущерба» были квалифицированы психические расстройства, возникшие у потерпевших, наблюдавших убийства своих соплеменников и родственников, сексуальное насилие над женщинами народа тутси (tutsi).¹¹⁴

Как и в случае с убийством, полагаем, что вменение состава геноцида возможно при причинении тяжкого вреда здоровью хотя бы одному из представителей демографической группы, цель уничтожения которой ставит перед собой виновный.

Таким образом, если геноцид осуществляется в виде убийства либо причинения тяжкого вреда здоровью хотя бы одному представителю демографической группы населения, к уничтожению которой стремится виновный, сам состав рассматриваемого преступления приобретает характеристики материального – для вменения, с точки зрения объективной стороны, обязательно установление указанных последствий.

Иначе обстоит дело при характеристике остальных признаков объективной стороны геноцида.

Насильственное воспрепятствование деторождению как деяние может выражаться в совершении виновным самых разнообразных действий с целью недопущения рождения детей у представителей той или иной демографической группы. В литературе высказана позиция, согласно которой это деяние может проявляться в проведении против воли женщины искусственного прерывания беременности.¹¹⁵

В практике международных трибуналов стерилизация и принудительное прерывание беременности также расцениваются как геноцид по признаку воспрепятствования деторождению.¹¹⁶

Однако прерывание беременности без согласия потерпевшей является одним из указанных в ч. 1 ст. 111 УК РФ признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. И вряд ли в этом случае может идти речь о конкуренции более специального признака – ибо эти признаки (т. е. причинение тяжкого вреда здоровью и воспрепятствование деторождению) являются альтернативными признаками одного и того же состава преступления. Исходя из правил квалификации преступлений, в данном случае конкуренция отсутствует, а прерывание беременности должно расцениваться как частный случай причинения тяжкого вреда здоровью.

Аналогичным образом обстоит дело и с такими видами насильственного воспрепятствования деторождению, как насильственная кастрация и стерилизация представителей демографической группы,¹¹⁷ ведь утрата способности к деторождению вследствие утраты репродуктивных органов также расценивается в отечественной уголовно-правовой традиции как разновидность причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Следовательно, рассматриваемый признак объективной стороны геноцида (по российскому уголовному праву) может быть самостоятельно вменен при условии, что насильствен-

¹¹⁴ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. §§ 110–113.

¹¹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. С. 569.

¹¹⁶ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. §§ 507–508; *Prosecutor v. G. Rutaganda*. Case № ICTR-96-13-T. 6 December 1999. § 52; *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ICTR-96-13-T. 27 January 2000. § 158.

¹¹⁷ См.: Уголовное право России. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. М., 1999. С. 500.

ное воспрепятствование деторождению не связано с причинением тяжкого вреда здоровью представителям демографической группы.

Действительно, ведь в конечном итоге, как это ни цинично, самый «радикальный» способ воспрепятствовать деторождению – это убить человека той или иной демографической группы.

Таким образом, под насильственным воспрепятствованием деторождению как самостоятельным проявлением геноцида надо понимать иные способы, не связанные с причинением тяжкого вреда здоровью. Примерами их могут быть:

1) недопущение сексуальных контактов между представителями одной и той же демографической группы (при раздельном содержании мужчин и женщин) – именно этот способ геноцида был использован нацистами в отношении еврейского населения, заключенного в годы Второй мировой войны в концентрационные лагеря;¹¹⁸

2) запрещение браков между представителями одной демографической группы и установление «силового контроля за рождаемостью»;¹¹⁹

3) химиотерапевтическое либо медикаментозное подавление половой функции у представителей демографической группы, имеющее обратимый характер (необратимая утрата половой функции также должна расцениваться как разновидность тяжкого вреда здоровью).

Принудительная передача детей – деяние, имеющее место при передаче детей в иную демографическую группу, при которой передаваемый ребенок утрачивает демографические свойства, присущие его родителям. Речь, скорее всего, должна идти об утрате тех свойств, которые не передаются по наследству, – т. е. этнической, национальной или религиозной принадлежности. Представляется, что сам факт передачи детей в иную расовую группу не может лишить ребенка унаследованных им расовых черт.

В истории ярким примером такого проявления геноцида были янычары в Османской империи. На протяжении XV–XVIII вв. турки насильно отбирали на завоеванных Балканах у родителей мальчиков славянского происхождения, обращали их в ислам, и те, абсолютно забыв о своем этническом происхождении и религии, были личной стражей султана и самой преданной частью его войска.¹²⁰

В новейшей истории факты насильственной передачи детей в иную демографическую группу тоже имели место. Как указывалось в решениях Международного трибунала по Руанде, насильственная передача детей в другую группу наносит серьезный «ментальный ущерб» как детям, так и их родителям и близким родственникам, что по последствиям не отличается от «причинения серьезного телесного вреда» при осуществлении геноцида.¹²¹

Насильственное переселение, рассчитанное на физическое уничтожение членов демографической группы, – это действие, выражающееся в перемещении представителей демографической группы в непривычные природные (в первую очередь, климатические) условия, которые могут привести к физическому вымиранию перемещаемой группы людей.

Как известно, группы людей, постоянно проживающие в той или иной местности, физиологически на протяжении многих поколений приспосабливаются к природным условиям проживания. Резкое и длительное перемещение их в принципиально иные природные условия влечет общее ослабление организма и, как следствие, угасание жизненных функций (в медицине этот феномен получил название «климатопатология»). При этом перемещение представителей демографической группы должно быть произведено именно в чуждые им природные условия, а не просто в «резервации» или абстрактные «пункты переселения».

¹¹⁸ Вторая мировая война в цифрах и фактах. С. 66.

¹¹⁹ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95–1. 21 May 1999. § 117.

¹²⁰ Всемирная история. Т. 3 / Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1957. С. 739.

¹²¹ *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96–4-T. 2 September 1998. § 509.

Именно такой способ уничтожения национально-этнических групп был использован в 40-е гг. XX в. И. В. Сталиным при насильственном переселении ряда народов, традиционно проживавших на юге России, в Сибирь и континентальные районы Казахстана. Чем закончилась депортация этих народов, общеизвестно.

Наконец, последним из указанных в законе проявлений геноцида является *иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов демографической группы*. Как видно, под «иным» созданием таких жизненных условий понимается неограниченный круг деяний, которые не подпадают под признаки ранее рассмотренных, создающих угрозу физическому существованию демографической группы или ее части.

Примерами создания таких «иных жизненных условий» могут являться:

1) заражение места обитания демографической группы агрессивным агентом биологического происхождения (возбудителями эпидемий, эпизоотий, болезней растений и пр.), как это было осуществлено японской Квантунской армией на части оккупированной территории Китая;¹²²

2) химическое заражение места обитания демографической группы – например, имело место при применении химического оружия в ходе американской войны во Вьетнаме;¹²³

3) наложение запрета на занятие единственно возможным видом деятельности, являющейся единственным источником существования демографической группы – так, всем известен запрет на промысел бизонов, который американская администрация наложила на коренное индейское население прерий Северной Америки с целью его постепенного вымирания.

4) разрушение жилищ, изгнание из домов, лишение одежды, стимулирование голода у представителей демографической группы, принуждение к «исключительно тяжелому» физическому труду.¹²⁴

Так как перечень способов «иного создания жизненных условий», рассчитанных на физическое уничтожение членов демографической группы, не является исчерпывающим, то вряд ли возможно составить его даже приблизительно. Именно по этой причине мы ограничимся только теми, которые имелись в истории.

В заседаниях Комиссии международного права в связи с деятельностью Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде неоднократно поднимался вопрос о юридическом толковании признака «создание жизненных условий, рассчитанных на уничтожение демографической группы». В результате было выработано понимание того, что геноцид в этой форме осуществляется, если по факту созданы такие жизненные условия, которые угрожают физическим уничтожением (вымиранием), без «материализации результата» их создания.¹²⁵

Итак, состав геноцида, с точки зрения конструкции объективной стороны, носит *формально-материальный характер*.

Если проявлением геноцида является убийство или причинение тяжкого вреда здоровью членам демографической группы, то преступление окончено в момент причинения любого из названных последствий хотя бы одному представителю такой группы.

Остальные четыре проявления геноцида (насильственное воспрепятствование деторождению, принудительная передача детей, насильственное переселение, иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов демографической группы) являются по своей юридической природе действиями, и рассматриваемое преступ-

¹²² Вторая мировая война в цифрах и фактах. С. 522.

¹²³ *Фан Ван Батъ и др.* Указ. соч. С. 54–55.

¹²⁴ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. §§ 115–116; *Prosecutor v. J.-P. Akayesu*. Case № ICTR-96-4-T. 2 September 1998. §§ 505–506; *Prosecutor v. G. Rutaganda*. Case № ICTR-96-13-T. 6 December 1999. § 51; *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ICTR-96-13-T. 27 January 2000. § 157.

¹²⁵ Doc. PCNICC. 18 February 1999.

ление должно считаться оконченным при их совершении, вне зависимости от достижения поставленной виновным цели.

Остановимся на принципиальном, на наш взгляд, вопросе о пределах регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление. Международное право требует давать самостоятельную правовую оценку таким деяниям, как планирование и подготовка актов геноцида (ст. III Конвенции о геноциде).

Действительно, вполне можно допустить, что планировать или подготавливать акты геноцида могут одни лица, а непосредственно осуществлять – другие. При этом такие действия могут не вписываться в конструкцию приготовления к акту геноцида – ведь приготовление к преступлению наказуемо в случаях недоведения преступления до окончания вопреки воле виновного. Если акт геноцида все же состоялся, и исполнители были другие, то вопрос о юридической оценке содеянного по УК РФ «зависает».

Можно возразить: лица, планирующие или готовящие акты геноцида, обычно отдают приказы об их осуществлении. Но применить положения ст. 42 УК РФ здесь тоже не всегда возможно – ведь планировать геноцид может и частное лицо, не обладающее властными полномочиями (например, какой-либо аналитик по «заданию» властей или просто третьих лиц).

В связи с этим представляется, что для должной юридической оценки планирования и подготовки совершения актов геноцида необходимо предусмотреть противоправность этих деяний в качестве самостоятельных признаков состава геноцида в ст. 357 УК РФ.

При этом под «планированием» геноцида необходимо понимать составление конкретного плана действий, направленных на полное либо частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. «Конкретность» такого плана может означать следующее:

- 1) предусмотренность в нем соответствующих организационно-технических проектов по осуществлению актов геноцида;
- 2) объективную возможность реализации таких проектов;
- 3) разработку соответствующих расчетов материально-технических потребностей для реализации подобных планов;
- 4) наличие хотя бы приблизительно очерченного круга исполнителей;
- 5) проработку планов осуществления актов геноцида в целом и отдельных операций по его осуществлению.

Соответственно под «подготовкой» геноцида как самостоятельного уголовно наказуемого деяния может пониматься реальное осуществление комплекса мер и мероприятий организационного и материально-технического характера для осуществления актов геноцида.

Так, например, подготовкой геноцида было признано вещание национального радио Руанды с целью возбудить ненависть к народу тутси (tutsi) и нацелить представителей народа хуту (hutu) на массовые убийства тутси.¹²⁶

¹²⁶ *Prosecutor v. G. Ruggiu*. Case № ICTR-97–32-I. 1 June 2000. § 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.